Содержание

Введение.....3
Глава I. Традиционные обряды и праздники русского населения Тувы.....15
1.1 Масленица: основные элементы обряда.....15
1.2 Пасха в жизни народа.....32
Глава II. Эволюция обрядовых традиций русского населения Тувы (вторая половина) XX в.- начало XXl в.....38
2.1. Новый год: этнические традиции и нововведения.....38
2.2. Рождество Христово: возрождение традиций.....50
Заключение.....60
Список источников и литературы.....63

Введение

В истории изучения обрядовой культуры русского населения Республики Тува на основе проблемно-хронологического принципа можно выделить четыре периода.

Первый период: вторая половина XVIII – начало XIX в. – в сочинениях путешественников и исследователей приводятся эпизодические сведения о многообразии обрядовых традиций русских Тывы.

В XVIII–XIX вв. появились труды путешественников и исследователей, в которых рассмотрено освоение русскими тувинских земель и формирование здесь многослойной русской культуры выходцев из многих губерний России. Как писал Ш. Ю. Кужугет, «русские поселения Республики Тыва, происходя из различных краев нашего обширного отечества, естественно вынесли с собой много особенностей и доселе еще не слились в одно целое и отличаются между собою и в нравах, и в обычаях, и в самом разговоре».

Второй период: вторая половина XIX – начало XX в. – впервые в научной литературе и публицистике встречаются описания отдельных календарных обрядов русского населения на территории Республики Тыва.

Однако не изучены в полной мере такие проблемы, как история адаптации русских в Туве на протяжении всего XX века, особенно во второй его половине и начале XXI века; характер деятельности и образа жизни, ментальности, морально-психологического самочувствия русских на данной территории; степень доступности и обеспеченности конституционных прав русских граждан Тувы для доступа к культурным ценностям и участие в культурной жизни; взаимоотношения русских и тувинцев в повседневной жизни.

В советской науке внимание уделялось прежде всего изучению тувинской культуры, как традиционной, так и современной, а также рассмотрению различных видов тувинского искусства.

На протяжении XX века, особенно в советский период, такое положение считалось вполне логичным, поскольку требовалось показать характер ускоренного развития тувинского общества, вопреки логике становления других народов перешагнувшего из феодализма в социализм. Надо было лишь оговорить в научной работе или в правительственном докладе, что «только благодаря братской помощи русского, а затем и советского народа, существует и развивается культура республики, национальной по форме и социалистической по содержанию».

Между тем совместное проживание двух разных народов, особенно на начальном этапе, вызывало множество проблем, о которых до сих пор не принято было открыто говорить в Туве, чтобы «не вызывать нездорового интереса молодежи», памятуя о конфликтных 90-х гг. XX века.

Многие проблемы латентно существуют и в настоящее время, и не факт, что они вновь не могут стать явными. Далеко не все на протяжении прошлого столетия было так хорошо, как писалось в исторических работах советского периода.

В состав авторов коллективной монографии «Русские в Туве. XX век. Культурологический аспект» входят ученые, исследовавшие отдельные области русской культуры в Туве: кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Тувинского института гуманитарных исследований при Правительстве Республики Тыва М.П. Татаринцева; доктор культурологии, главный научный сотрудник ТИГИ В.Ю. Сузукей; доктор исторических наук, главный научный сотрудник ТИГИ Н.М. Моллеров» научный сотрудник ТИГИ, музыковед А. ДБ. Монгуш и руководитель проекта, автор данной статьи. Привлекаются и другие авторы, а также информанты.

Коллектив авторов настоящей монографии считает, что именно сейчас наконец настало время проанализировать положительные и отрицательные стороны культурной и национальной политики Советского Союза, постсоветской России и Тувы; оценить роль и место русских и их культуры в Туве; рассказать о выдающихся русских деятелях культуры и искусства.

Впервые русские появились в Туве в 1860-70-х годах, после приезда из Минусинска на постоянное место жительства в Туву первого купца Н.Ф. Веселкова, а сразу за ним и других торговцев. Таким образом, первыми русскими, обосновавшимися на постоянное место жительства в Туве, были купцы.

Затем в начале XX века, после установления протектората России над Тувой в 1914 году, потянулись переселенцы, в основном из Минусинска, как старообрядцы, так и бедные крестьяне из пограничных с Тувой российских территорий в поисках лучшей жизни.

Именно русские в том же году, на месте слияния двух рек Бий-Хем и Каа-Хем, образующих Енисей, основали нынешнюю столицу Республики Тыва - Кызыл, изначально называвшуюся Белоцарском. Для строительства города нужны были рабочие: строители, плотники, столяры. Их российское государство вербовало из Красноярска и Минусинска. Потомки тех крестьян и рабочих стали основной составляющей русского населения в Туве, среди них и такие известные в настоящие время в Кызыле фамилии, как Азаровы, Александровы, Астафьевы, Барашковы, Безъязыковы, Беляковы, Брюхановы, Горевы, Гребенкины, Губановы, Гурковы, Долгих, Ермаковы, Загайновы, Капустины, Котельниковы, Митрофановы, Михайловы, Неволины, Непомнящие, Николаевы, Но-говицины, Пахомовы, Поповы, Сивковы, Солдатовы, Субботины, Сорокины, Терских, Фалалеевы, Финогеновы, Хабаровы, Черепановы, Швецовы, Шипилины и другие. Оригинал списка 1918 года хранится в Центральном Государственном архиве РТ. В дальнейшем мы планируем записать семейные легенды и воспоминания о приезде в Туву родоначальников их семей.

В отличие от дореволюционных исследователей, которые рассматривали праздники и обряды изолированно друг от друга (Дубровский Н.), В.И. Чичеров впервые рассмотрел не только большие праздники, но народный календарь в целом, что позволило ему выдвинуть теорию их происхождения в связи с трудом крестьянина-земледельца.

Основоположник сравнительно-типологического метода, структурного анализа В.Я. Пропп проследил общность календарных аграрных праздников, выявил основные слагаемые в каждом сельскохозяйственном обрядовом цикле (обрядовая еда, обряды с растениями или их подобиями, игрища, увеселения, песни).

В.К. Соколова обосновала классификацию и деление обрядов на осенне-зимний и весенне-летний циклы и их единство.

В.П. Аникин и Ю.Г. Круглов выявили концептуальное значение дефиниций обычай, обряд, ритуал.

А.К. Байбурин сделал структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов.

А.Ф. Некрылова установила особенности городской праздничной культуры.

Ю.В. Бромлей рассмотрел процессы интернационализации в XX столетии, охватившие как нерусское, так и русское население, причем «на самой русской культуре в целом процессы интернационализации сказались в большей мере, чем на культуре какого-нибудь другого народа нашей страны. К тому же, в процессе взаимодействия с национальными культурами культура русского народа в немалой степени испытала их влияние».

Третий период: 1930-е – 1980-е гг. – в отечественной науке формируются методологические подходы к изучению русских календарных обрядов и праздников; появляются первые теоретические работы обобщающего характера, послужившие основой для проведения подобных исследований в Республике Тува и других регионах.

С начала 1930-х гг. началось изучение обрядовой культуры русского населения силами фольклорно-этнографических экспедиций. Первые этнографические исследования русского населения края были осуществлены благодаря участию выдающихся ученых Н.П. Колпаковой (Ленинград) и Э.В. Померанцевой (Москва). Они организовали совместные научные экспедиции преподавателей, студентов столичных вузов и ученых Тувинского НИИСХ.

Ими были накоплены сведения о сохраняемости и эволюции обрядовых традиций русских – выходцев из различных регионов.

В 1960-х гг. началась научно-исследовательская деятельность плеяды тувинских фольклористов и лингвистов по исследованию русских Тувы, которые накопили важные сведения о календарно-обрядовой жизни народа.

И.Е. Карпухин стал изучать русский свадебно-обрядовый фольклор в межэтнических взаимодействиях. Л.И. Брянцева собрала образцы календарно-обрядового фольклора, содержащие ценную этнографическую информацию.

Четвертый период: 1990-е гг. – начало XXI в. – ученые проводят комплексные исследования русского населения Тувы, изучают разные стороны жизни этноса, включая обрядовую культуру. Предметом исследования становятся календарные традиции многих народов Тувы в аспекте их своеобразия и этнических взаимодействий.

Всплеск интереса к русской обрядовой культуре в этот период произошел во всей Восточной Сибири. Целостное и системное представление о народном календаре русских дают исследования Г.Н. Чагина.

Г.А. Никитина справедливо отмечает «пространственно-временные представления крестьян, в которых господствующее положение занимало природное циклическое понятие времени, определявшееся сменой времен года, ритмом сельскохозяйственных работ и связанными с ними праздниками».

В период 1990-е – 2000-е гг. появилось значительное количество работ по русским Тувы, что связано с ростом национального самосознания, усилением интереса к культуре самого многочисленного этноса, влияющего на социально-экономическую и культурную жизнь региона. Изданы работы специалистов разных областей: археологов (В.А. Иванов, И.В. Антонов), историков (И.М. Гвоздикова, М.И. Роднов), антропологов (А.И. Нечвалода),

религиоведов (Ю.Н. Сергеев), исследователей народной одежды (Е.Е. Нечвалода), архитектуры (А.Р. Ширгазин).

Указанный период характеризуется появлением в Республике Тува комплексных работ, соединяющих анализ исторических, этнографических, археологических, лингвистических, фольклорных и иных материалов.

И.Е. Карпухин опубликовал серию монографий и статей, в которых обосновал периодизацию обрядовой жизни русских республики. Он указал, что активная жизнь крестьянских традиций имела место до 1920-х гг., характеризовалась целостностью комплекса обрядов.

В монографиях и статьях В. Я. Пропп объединены данные фольклористики, этнографии, этномузыковедения и лингвистики, что позволило показать общность ритуальных традиций русских и других народов Республики Тува. Автор выявила, что некоторые образцы песенного фольклора, записанные на территории республики, встречаются в сборниках XIX и XX столетия П.В. Киреевского, П.В. Шейна, Н.Е. Пальчикова, А.И. Мякутина и представляют варианты произведений, записанных в Архангельской, Владимирской, Вологодской, Костромской, Пермской, Петербургской и других губерниях.

Итак, анализ степени изученности разрабатываемой темы подводит к выводу, что русская празднично-обрядовая культура в научно-популярной литературе получила достойное внимание. В то же время культурные обряды русских Тувы впервые становятся предметом специального этнографического исследования. Упомянутые выше работы раскрывают отдельные проявления календарно-обрядовой культуры русских Республики Тува (в большей части фольклор) и не дают целостной картины о ней.

На современном этапе наибольший интерес представляют особенности праздничной культуры русского населения республики.

В отечественной науке исследования, посвященные праздничной культуре, в российской научной литературе рассматриваются с самых разных

ракурсов. Статья А. Э. Алтаевой посвящена значимости возрождения народных праздников в системе этнической идентичности.

Традиционные народные праздники и обряды, их генезис и трансформацию в изменяющейся социокультурной ситуации, а также значение в воспитании молодого поколения рассмотрела Л. В. Демина.

М. Н. Челинцева считает, что в последнее время «именно социально-культурная среда крупного города в настоящем и будущем послужит почвой для зарождения новых и преобразования старых форм народной праздничной культуры».

Практикующий режиссер Мордасов А. А. знакомит с практикой модернизации архаических праздников в современном культурном пространстве. Его размышления касаются вопроса бытования традиционных календарных праздников в современном культурном пространстве России.

В гуманитарном знании, посвященном исследованию тувинской социокультурной жизни, Шагаа упоминается в трудах М. Б. Кенин-Лопсана «Традиционная культура тувинцев»; Г. Н. Курбатского «Тувинские праздники»; И. У. Самбуу Тувинские народные игры; М. В. Монгуш «Тувинский ламаизм: Историко-этнографическое исследование»; А. К. Кужугет «Духовная культура тувинцев», Ж. М. Юша «Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века: Структура, семантика, прагматика» и др.

Территориальные рамки исследования ограничены Республикой Тува как одним из многонациональных регионов России в ее современных административно-территориальных границах с компактным проживанием русского населения.

Хронологические рамки исследования – конец XIX – начало XXI в. Нижние границы обусловлены наличием описаний обрядов и праздников русского населения на территории Республики Тува в местной прессе. Информаторы характеризуют обрядовую культуру русских Тувыначиная с 1930-х гг.

Целью исследования является выявление процессов сохранения и эволюции традиции русского населения Тувы XX в.- начало XXl в.

Для достижения заявленной цели были поставлены следующие задачи:

1. Собрать новые и обобщить имеющиеся материалы по календарным обрядам и праздникам русского населения Тувы для представления обрядовых традиций в прошлом и характеристики современного состояния культуры. Выявить структуру, содержание, круг участников календарных обрядов русского населения Тувы.

2. На основе полевых материалов и публикаций исследованы традиционные обряды и праздники русского населения Тувы.

3. Изучить эволюцию обрядовых традиций русского населения Тувы (вторая половина) XX в.- начало XXl в.

Источники. Источниковая база включает в себя обширный комплекс разнообразных по типам и характеру неопубликованных и опубликованных работ.

Неопубликованные материалы, представленные в работе, подразделяются на архивные, хранящиеся в научных учреждениях Российской академии наук, в вузах, а также фото- и полевые материалы автора.

В рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН хранятся записи экспедиций Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва.

К опубликованным источникам относятся материалы, извлеченные из прессы XIX–XXI вв. «Тувинская правда», «Шын», «Хувискалт арат», «Залуудчудийнг зорилго», содержащие уникальный материал – этнографические сведения о празднично-обрядовой жизни русских тувинского края.

Данные официальных сайтов муниципальных районов (https://rtyva.ru/region, https://mkyzyl.ru/, https://dzyn.rtyva.ru/), интернет-порталов республиканских СМИ (https://rtyva.ru/?

login=yes&ysclid=lohfk349a2679247313) и других сайтов пополнили фактологическую часть работы, позволили более точно описать характер и содержание проводимых в районах празднично-обрядовых меро-приятий.

В качестве источников был использован фактический материал, опубликованный в сборниках материалов научных экспедиций Бредиса М. А., А. К. Кужугет, А. К., где по рассказам информаторов зафиксированы отдельные стороны обрядовой жизни (песни, рассказы, приметы, заговоры).

Косвенными источниками о современной календарно-обрядовой жизни республики стали стихи местных поэтов в газетах и журналах республики.

Таким образом, при написании работы использовались материалы архивов научных учреждений и вузов, содержащие результаты фольклорно-этнографических экспедиций; полевые записи автора; фотоматериалы, опубликованные работы, в том числе произведения русских писателей и поэтов, публикации в газетах XIX–XXI вв. Вышеперечисленные источники стали основой диссертационного исследования. Собранный материал репрезентативен, дает достоверную информацию и позволяет всесторонне осветить календарные обряды русского населения Тувы, решить поставленные в диссертации цели и задачи.

Методология и методы исследования. Изучение календарно-обрядовых традиций русского населения Тувы стало возможным в рамках различных методологических подходов. Комплексный подход позволил рассмотреть календарно-обрядовые традиции русского населения Тувы как целостную систему, как совокупность действий, верований, мифологических представлений, фольклорных текстов. Это обусловило необходимость обращения к методологии нескольких научных дисциплин: истории, этнологии, фольклористики, культурологии и философии.

Контекстуальный подход способствовал изучению календарных обрядов как части традиционной культуры, меняющейся под влиянием природно-географических и социально-экономических факторов, характеризующейся вариативностью, локальностью проявлений и

динамичностью. Сравнительный подход обеспечил анализ регионального варианта календарной обрядности русской (шире – восточнославянской) традиционной культуры, выявление механизмов трансляции этнокультурных традиций, степени сохранения и трансформации в конкретных проявлениях.

Исследование построено на использовании общенаучных методов анализа, синтеза, аналогии, систематизации и классификации, а также методов современного исторического исследования: принципах историзма, объективности, конкретности, интеграции различных видов источников. При сборе полевого материала использовались этнографические методы: опрос, интервью, наблюдение, включенное наблюдение. Проводилась также видео- и фотофиксация календарных обрядов и праздников, предметов материальной культуры, задействованных в ходе подготовки и проведения ритуалов, предметов, используемых для украшения жилища, праздничных атрибутов.

Для систематизации и анализа материалов применены сравнительно-типологический и сравнительно-исторический методы этнографического исследования. Типологический анализ позволил обобщить обширный и разнообразный эмпирический материал, определить структуру обрядов на синхронном и диахронном уровнях, выявить своеобразие календарной обрядности русского населения Тувы. Сравнительно-исторический метод использован для изучения обрядовой культуры в процессе исторического развитии и в контексте этнокультурного ландшафта региона.

Научная новизна исследования. Исследование является первым опытом комплексного изучения календарно-обрядовой культуры русского населения в Туве.

В научный оборот вводится новый корпус источников по теме исследования, включая полевые материалы и местной прессы конца XIX – начала XXI в.

Выявлены факторы, влияющие на эволюцию празднично-обрядовой культуры русского населения Тувы.

Празднично-обрядовая культура русского населения Тувы в историко-культурном контексте с другими народами республики.

Показана взаимосвязь русской традиционной и новой интернациональной обрядности в условиях Тувы.

Установлена взаимосвязь празднично-обрядовой культуры и этнических процессов, меняющегося самосознания носителей традиций.

Научно-практическая значимость. Материалы, теоретические и практические выводы диссертации могут быть полезными при разработке теоретических аспектов истории и культуры народов Республики Тува, в том числе этнокультурных процессов.

Сведения, содержащиеся в исследовании, могут быть применимы для сравнительного анализа специфических особенностей календарно-обрядовой культуры русских других регионов России, что дает возможность ее всестороннего изучения как целостного явления в структуре народной культуры.

Материалы и выводы исследования могут быть также использованы для лекционно-просветительской работы, при написании учебников, подготовке учебно-методической литературы по истории и культуре республики.

Материалы и результаты исследования призваны оказать помощь специалистам учреждений образования и культуры, национально-культурных центров региона в решении вопросов, связанных с развитием национальных культур, способствовать возрождению интернационального единства, укреплению межнационального согласия, воспитанию патриотизма и формированию духовно-нравственных ценностей молодежи.

Положения, выносимые на защиту:

1. Русские на территории Тувы транслировали календарно-обрядовые традиции, сформировавшиеся на прежней исторической родине (структура, содержание, атрибуты, круг участников, фольклор).

2. Вследствие природно-географической и социокультурной адаптации русских переселенцев на территории Тувы произошло формирование региональной календарно-обрядовой культуры.

3. Социалистическая идеология, социально-экономические и политические перемены в обществе способствовали схематизации обрядов, сокращению сроков исполнения, забыванию и переосмыслению элементов (ритуальная еда, заклинательный фольклор, магические гадания, обрядовое очищение водой).

4. Несмотря на десятилетия тотальной борьбы с религией, многие обряды и праздники сохранились (Новый год, Пасха, Масленица), хотя и подверглись большим изменениям.

Апробация результатов исследования.

Структура работы обусловлена поставленными задачами и состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения.

Глава I. Традиционные обряды и праздники русского населения Тувы

1.1 Масленица: основные элементы обряда

Обрядово-ритуальная жизнь тюрков была тесным образом связана с православным церковным календарем, а календарная обрядность – основа традиционной жизни – наполнена целым комплексом обрядово-ритуальных действий.

Российский этнолог И.И. Шангина делила обрядовый цикл русских праздников на восемь комплексов:

1) святочный;

2) масленичный;

3) ранневесенний (Великий пост, день Сорока мучеников (Сороки), Благовещение и др.);

4) средневесенний (Пасха, Вознесение, Егорьев день, Никола Великий и др.);

5) троицко-купальский (совпадающий либо с окончанием весны, либо с началом лета);

6) летний (жатвенная обрядность, Ильин день, Спасовы дни, Успенье);

7) осенний (Семенов день, Воздвиженье, Рождество Богородицы, Покров день и др.);

8) зимний (Андреев день, день Спиридона Поворота (12/25 декабря) и др[1].

По мнению советского фольклориста и этнографа В.И. Чичерова, по существу, можно говорить только о двух циклах обрядов русского аграрного календаря:

а) связанных с подготовкой урожая и имеющих два периода – зимний и весенне-летний;

[1] Шангина И.И. Русские традиционные праздники. СПб.: Азбука-классика, 2008. 336 с.

б) сопровождающих получение урожая – цикл обрядов кратковременный, но значительный в крестьянском быту[2].

Наиболее важным у земледельческих народов был весенний цикл обрядов, который начинался с приближением весны, когда пора было готовиться к предстоящим полевым работам. В это время исполнялись обряды, которые изгоняли, хоронили зиму – богиню мрака и смерти – и встречали весну, которая несла свет, тепло, пробуждение природы. У европейских народов в соответствии с христианским календарем проводы зимы стали справляться перед постом: у русских – это масленица, у западноевропейских народов – карнавал[3].

Известный советский этнограф В.Я. Пропп выделял в русском аграрном календаре два вида праздников – основанные на языческом и христианском вероучении[4]. К первым он относил святки с праздничным столом, колядованием, ряжением, гаданием; далее – масленица со встречами и проводами её, блинами и разнообразными увеселениями, встреча весны с пением весенних песен и изготовлением из теста жаворонков; затем русальная неделя и так называемый «семик», праздник, предшествовавший Троице и сопровождавшийся обрядами завивания березок, и день Ивана Купалы с возжиганием огромных костров и перепрыгиванием через них. Наконец, осенью праздновалось окончание жатвы, сопровождавшееся различными обрядами, посвященными последнему снопу и сжатому полю.

Выдающийся советский и российский археолог и исследователь славянской истории и культуры В. М. Рябков также указывал на то, что аграрный календарь славян был полон театрализованных действ, каковыми были «новогодние и масленичные карнавалы с различными сценами с участием ряженых, танец пробуждающегося медведя (24 марта – «комоедицы» – комедия), жертвоприношения Ящеру, похороны Костромы,

---

[2] Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков (очерки по истории народных верований). М., 1957. 236 с.

[3] Смирницкая Е.В. Масленица // Большая Российская энциклопедия: в 30 томах / Отв. ред. С.Л. Кравец. М.: Большая Российская энциклопедия, 2012. Т. 19. С. 276–277.

[4] Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. 174 с.

Морены или Ярилы, одним словом, все то многообразие древних ритуальных игрищ, которые со временем превратились в веселые игры деревенской молодежи и, в конце концов, выродились в малопонятные для участников детские игры»[5].

Как считают исследователи, по своему характеру масленица, или карнавал, – это народный праздник, не связанный ни с какими церковными обрядами, и только время его определяется по церковному календарю – оно отсчитывается от пасхи.

Это мнение совпадает с точкой зрения В.К. Соколовой, которая так же считала, что «масленица – старинный славянский многодневный праздник проводов зимы и встречи весны, единственный крупный дохристианский праздник, который не получил нового истолкования и не был приурочен к христианскому календарю»[6].

Название праздника масленица – позднее, оно появилось у русских потому, что в это время ели очень много масленой пищи, “блинов масленых”», – указывает она.

Как отмечал в этой связи историк-этнограф Николай Дубровский, «масленица у нас, на Руси, есть самый разгульный народный праздник; народ недаром называет масленицу широкою и честною (в том смысле, что народ ее чествует). Почти целую неделю идут попойки и взаимные угощения; много пьется и ется в масленичные дни, но всего более поглощается горячих поджаристых блинов».

Насколько при этом бывает неудержим народный разгул, можно судить уж по одним эпитетам, которыми наделил народ масленицу. Она называется «веселой», «широкой», «пьяной», «обжорной», «разорительницей».

Как указывал русский этнограф С. Н. Манышев, «масленица – любимый праздник у крестьян, когда вся православная Русь, от мала до

[5] Рябков В.М. Масленица в историографии культурологии и истории социально-культурной деятельности // Вестник культуры и искусств. 2020. № 1 (61). С. 62–72.
[6] Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX – начало XX в. М.: Наука, 1979. 288 с.

велика, веселится до упаду, и когда широкая русская натура любит развернуться вовсю»[7].

По мнению В.И. Чичерова, «в народном календаре масленица занимала особое место. Связанная по времени празднования с одним из главных весенних праздников – пасхой, масленица являлась звеном, соединяющим зиму и весну. Она знаменовала собой как бы переломный пункт. По своей основной идее приобщения человека к пробуждающейся природе и ухода от зимней мертвенности масленица более тесно связывается с календарем весны, чем зимы (отсюда и ее временная связь с весенними переходными праздниками)»[8].

С мнением В.И. Чичерова солидарны и другие авторы. Например, Ф.С. Капица пишет по этому поводу следующее: «В славянском народном календаре масленица разделяла два главных сезона – зиму и весну. Отмечали масленицу на неделе, предшествующей Великому посту. Сначала она называлась мясопустной, название масленицы появилось примерно в XVI веке».

На такой же точке зрения стоит и Е.В. Смирницкая, которая отмечала, что «масленица – цикл календарных обрядов, отмечаемых в конце зимы. Приурочен к началу Великого поста, обычно занимает неделю, предшествующую посту (Прощенная неделя)»[9].

Как считает Е.В. Смирницкая, основное содержание масленичных обрядов состоит в возобновлении плодородия в начале хозяйственного года. Новогодняя семантика масленицы, возможно, восходит ко времени, когда год у народов Европы начинался с марта. По характеру обряды масленицы противопоставляются следующему за ней периоду воздержания во время поста. Они характеризуются разнузданным весельем, часто с эротическим смыслом, быстрым движением и символикой огня (прыжки через костер,

[7] Манышев С.Н. Русские: история, культура, традиции. Махачкала: ИД «Эпоха», 2013. 80 с.
[8] Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков (очерки по истории народных верований). М., 1957. 236 с.
[9] Смирницкая Е.В. Масленица // Большая Российская энциклопедия: в 30 томах / Отв. ред. С.Л. Кравец. М.: Большая Российская энциклопедия, 2012. Т. 19. С. 276–277.

сбрасывание с горы горящего колеса, быстрая езда на лошадях, катание на санях с гор, качание на качелях). Масленица сопровождается специальными песнями (игровыми, шуточными, лирическими; в то же время грустными мелодиями с мотивом прощания) и танцами (часто с аграрной семантикой) типа хоровода, обильной едой (главное блюдо – блины). Последние дни масленицы («широкая» масленица – с четверга по воскресенье)[10].

Большое место в масленичных обрядах отводилось общинным традициям. Кроме того, значительная их часть была связана с семейно-брачными отношениями, через которые пытались воздействовать на плодородие земли.

По мнению русского и советского этнографа и фольклориста Д.К. Зеленина, наряду с аграрным содержанием, масленица была связана и с культом предков. Он писал: «Масленица, один из самых веселых праздников восточных славян, была когда-то, как и Рождество, посвящена поминовению покойников. Об этом неопровержимо свидетельствует обязательное при этом ритуальное блюдо – блины; кое-где сохранилось и другое блюдо, принятое на поминках, – овсяный кисель (Вельский уезд Вологодской губ.). Кулачные бои, которые обычно устраивают на масленицу, также следует считать одним из элементов поминального обряда. У русских такие бои в некоторых районах сочетаются с сооружением замка из снега, целой снежной крепости, которую обливают водой».

На связь праздника с культом предков указывает и А. К. Кужугет, который пишет: «В масленичных празднествах соединились черты многих древних культов. Главным из них был культ усопших. Поэтому первый блин не ели, а помещали на слуховое окошко дома. Считалось, что ночью туда прилетят навии. Иногда этот блин отдавали нищим на помин души»[11].

[10] Смирницкая Е.В. Масленица // Большая Российская энциклопедия: в 30 томах / Отв. ред. С.Л. Кравец. М.: Большая Российская энциклопедия, 2012. Т. 19. С. 276–277.
[11] Кужугет, А. К. Культурная политика Тувинской Народной Республики по организации празднеств / А. К. Кужугет // Новые исследования Тувы. – 2020. – № 3. – С. 7.

Традиционно масленица проводилась в конце февраля – начале марта и продолжалась семь дней, с понедельника по воскресенье. «Каждый день имел свое название и празднуется по-своему. Понедельник – «Встреча Масленицы», вторник – «Заигрыши», среда – «Лакомка», четверг в народе прозвали «Разгуляй», пятница – «Тещины вечерки», суббота – «Золовкины посиделки», воскресенье – апофеоз Масленицы «Прощеное воскресенье».

В.К. Соколова выделяет следующие наиболее существенные ее элементы:

1) проводы масленицы;

2) обычаи, связанные с молодоженами;

3) катания с гор и на лошадях;

4) блины;

5) поминовение умерших[12].

С каждым днем масленичной недели связан свой комплекс обычаев и ритуальных действий. Масленичная неделя начиналась с «встречи праздника», когда впервые начинали угощать тонкими блинчиками, которые пекли практически всю оставшуюся неделю. В понедельник дети и молодежь собирались на высоких местах или на горах для катания. Там они грелись около костров, пели масленичные песни, в которых приветствовали приходящую к ним Масленицу. Обычно день завершался семейным пиршеством. Собственно гулянье начиналось на второй день, во вторник, во время заигрыша. Утром посылали к родным и знакомым позываток – тех, кто передавал приглашение прийти вечером в гости. Обычно позыватка произносил благопожелание и получал в обмен какое-нибудь подношение. Во вторник в большинстве районов катались на снежных горах и брали снежные города. Во время игры собравшиеся делились на две группы, одна из которых обороняла, а другая пыталась захватить специально построенную

[12] Соколова В.К. Масленица (ее состав, развитие и специфика) // Славянский и балканский фольклор: генезис, архаика, традиции. М.: Наука, 1978. С. 48–70.

для этого снежную крепость. Те, кому удавалось взять город, получали право целовать всех девушек, присутствовавших на празднике.

Как отмечает Д.К. Зеленин, «катанье с высоких гор на санках, аналогичное качанию на качелях, сохранило еще в народной памяти связь с земледельческой магией, особенно с ростом густого и высокого льна и конопли».

В масленичный или широкий четверг начинались народные гулянья. Сам день получил название «загула». С четверга начинали работать балаганы, происходили кулачные бои и начинались катания на тройках. Вечером по улицам ходили ряженые и колядовщики. Они приходили в дома и произносили коляды – благопожелания, адресованные хозяину и хозяйке. В ответ хозяин одаривал колядовавших специально приготовленными блинами или хлебом округлой формы.

Одним из элементов масленицы были кулачные бои. Под кулачным боем понимается такой тип рукопашного состязания, как «бой кулаками без применения оружия». Они проходили между Святками и Масленицей и наибольшего размаха достигали в последние дни масленичной недели. По мнению А.К. Секацкого, драка была необходимым инструментом воспитания духа воинственности.

Как считал Д.К. Зеленин, кулачные бои являлись «отголоском древней тризны, которая принимала форму состязаний у могилы умершего («дратися по мертвецы»)».

По мнению исследователей, ритуальные поединки между двумя партиями (сторонами), представляющие родовые, территориальные или социально-возрастные объединения, связываются с символическим воспроизведением борьбы двух начал (добра и зла, зимы и лета), совершаемой, как правило, на переломе старого и нового года, календарных

сезонов, с идеей защиты своего пространства; с реликтами посвятительных обрядов, имевших воспитательный характер[13].

Значительная часть обычаев масленичной недели посвящалась чествованию молодоженов, тех, кто женился во второй половине прошедшего года. Молодым устраивали своеобразные смотрины. Их могли поставить в воротах и заставить целоваться под крики «горько». Иногда молодых зарывали в снег или осыпали снегом в знак будущего благополучия. В среду наступало время лакомки, когда теща приглашала в дом молодого зятя с женой. Поэтому за столом и после окончания угощения произносились благопожелания в честь молодых.

Как отмечал Д.К. Зеленин, некоторые элементы масленичных обрядов свидетельствуют о том, что когда-то этот праздник совпадал с окончанием периода свадеб. «С одной стороны, в них содержатся величания молодых, вступивших в брак в течение последнего года, с другой – наказания для тех, кто не сумел воспользоваться только что закончившимся свадебным периодом. Этого же мнения придерживается и С.В. Максимов, который писал: «Есть предположение, что масленица в отдаленной древности была праздником, специально устраиваемым только для молодых супругов: для них пеклись блины и оладьи, для них заготовлялось пиво и вино, для них закупались сласти. И только впоследствии этот праздник молодых стал общим праздником».

Пятый день Масленицы назывался «Тещины вечерки». Вот что писал по этому поводу И.П. Сахаров: «На тещины вечерки зятья угощают своих тещ блинами. Приглашения бывают почетные со всей родней к обеду или запросто на один ужин. В старину зять обязан был с вечера лично приглашать тещу, а потом утром присылать нарядных зватых. Чем более бывало зватых, тем теще более оказывалось почестей. Дружко или сват

[13] Сердобов, Н. А. Народное образование в Туве / Н. А. Сердобов. -Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1953. -136 с.

приглашались к таким нарядным позывам и за свои хлопоты с обеих сторон получали подарки»[14].

Как указывал В.Я. Пропп, масленица была «преимущественно праздником женатой молодежи, которую окружают всеобщим веселым вниманием»[15].

В этом смысле масленица играет роль завершающего обряда свадебного цикла. Молодожены обязаны посетить крестных родителей, семью жены («к теще на блины») и других родственников.

Молодые с родителями жениха отправлялись в дом родителей невесты и начиналось угощение сватов. Молодые при этом играли роль почетных гостей: их первыми сажали за стол и с них начинали обносить яствами.

Масленичная суббота – «золовкины посиделки» – считалась праздником молодых женщин. Обычно в этот день молодая невестка принимала своих подруг и сестер мужа. С этого дня она становилась полноправным членом женского коллектива. Обычно угощение сопровождалось взаимным обменом подарками.

На масленицу было принято поминать «родителей», то есть предков, посещать их могилы. Кануном масленицы считалась Вселенская, или большая родительская суббота, в этот день обязательно поминают усопших родителей.

Воскресенье посвящалось проводам Масленицы, поэтому его называли целовником, или Прощеным днем. С одной стороны, близкие люди просили друг у друга прощения за причиненные обиды[16].

С другой, следовало посетить кладбище, чтобы попросить прощения и у умерших родственников. Ритуал прощания (прощения) совершали после обеда. Хозяин и хозяйка садились в переднем углу. К ним поочередно подходили все родственники, сначала шли сыновья, а за ними – дочери и жены сыновей. Каждый из них кланялся и произносил: «Прости меня,

[14] Сахаров И.П. Масляница // Сказания русского народа. М.: Советская Россия, 1990. С. 127–132.
[15] Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. 174 с.
[16] Сувандии, Н. Д. Тувинская антропонимия: дис. ... канд. филол. наук / Н. Д. Сувандии. - М., 2004. - 191 с.

дедушка». В обряде сохранились языческие представления: в древнерусском языке слово «дедушка» являлось синонимом слова «предок». Хозяин и хозяйка олицетворяли умерших предков, поэтому собравшиеся прикладывались к щеке хозяина и целовали руку хозяйке.

Масленичная неделя завершалась «проводами» – сожжением Масленицы. В воскресенье чучело провозили по улице, затем везли за деревню и сжигали (иногда бросали в реку или разрывали и разбрасывали по полю).

Во время обряда пели корильные песни (а позже и частушки), в которых Масленицу упрекали за то, что она слишком быстро ушла и привела за собой Великий пост. Угощение и веселье продолжались до начала вечернего богослужения, с которого начинался Великий пост. Поэтому с первым ударом колокола веселье прекращалось. Значение ритуала состояло в том, чтобы изгнать, похоронить враждебные человеку силы.

Основной заключительный обряд масленицы – ряжение и процессии, совершающие обход деревни во главе с персонифицирующим масленичным ряженым или чучелом («Масленица»), уничтожаемым (сжигаемым на костре) в конце масленицы.

Вот как его описывает Ш. Б. Майны: «Парни и девушки делают из соломы чучело, одевают его в женский наряд, купленный в складчину, и затем в одну руку вкладывают бутылку с водкой, а в другую блин. Это и есть «сударыня-масленица», героиня русского карнавала. Чучело становят в сани, а около прикрепляют сосновую или еловую ветку, разукрашенную разноцветными лентами и платками[17].

В воскресенье вечером «масленица» сжигается. Сожжение масленицы составляет, так сказать, заключительный аккорд деревенского веселья, за которым следует уже пост, поэтому присутствующие при сожжении обыкновенно швыряют в костер все остатки масленичного обжорства, как то:

[17] Майны Ш. Б. Современная праздничная культура Тувы // XIV Конгресс антропологов и этнологов России : сб. материалов. Томск, 6-9 июля 2021 г. М. ; Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 2021. С. 717.

блины, яйца, лепешки и пр., и даже зарывают в снег самый пепел масленицы, чтобы от нее и следов не осталось».

Как считал Д.К. Зеленин, костры, которые жгут на масленицу также могут быть связаны с культом предков. «Разведение костров в последний день масленицы, то есть в воскресенье перед началом Великого поста, обычно называется жечь масленицу; однако это могло служить и приглашением умерших предков к обильному ужину накануне поста, тем более что существует обычай перед постом не убирать со стола в ожидании покойников».

В.Я. Пропп обратил внимание, что чучело, символизировавшее Масленицу, вывозили за деревню, на засеянное поле, и сжигали. Когда костёр начинал догорать, участники сожжения брали горящие головни и разбрасывали их по озимым посевам. Разбрасывание по посевам частей Масленицы должно было обеспечить озимым успешный рост. «В этом и состоял исконный смысл обряда»[18].

«Проводы» масленицы должны завершиться до наступления сумерек последнего дня. После этого уничтожаются все следы масленичного обряда и остатки скоромной пищи, исполняются очистительные обряды, избавляющие участников от последствий общения с нечистой силой. По православному обычаю совершается обряд «прощения», когда все с поклоном просят прощения друг у друга.

Прощание с Масленицей завершалось в первый день Великого поста. В этот день, называемый Чистым понедельником, очищались от совершенных грехов и от употребления скоромной пищи: мылись в бане, парили посуду (прежде всего молочную утварь), очищая ее от жира и скверны, чтобы в чистоте встретить первый день поста.

Как считает В.Я. Пропп, масленица по своему происхождению и исконному смыслу есть продуцирующий обряд и ее празднование носило

[18] Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. 174 с.

аграрно-магический характер в целях способствовать плодородию земли и размножению всего живого[19].

Традиционно масленица отмечалась не только восточными, но и южными (народы Югославии, болгары) и западными (поляки, чехи и словаки, лужичане) славянами зарубежной Европы.

Изучая сходные с русской масленицей западноевропейские весенние обряды и карнавал, Д.Д. Фрэзер связывал их персонажей с умирающим и воскресающим богом растительности. К таким божествам он относил египетского Озириса, фригийского Аттиса, вавилонского Таммуза, имевшего финикийско-сирийское происхождение греческого бога Адониса и др.

Таким образом, возникший в глубокой древности в связи с переходом славян к производящему земледельческо-скотоводческому хозяйству аграрный праздник прощания с зимой и встречи с весной масленица с принятием христианства был включен в церковный календарь восточных славян, сохранив свои языческие сущность, структуру и содержание[20].

Находясь в иноэтническом окружении в отрыве от основного этнического массива, русское население Республики Тува продолжало и на новом месте транслировать свою традиционную культуру и быт.

Как отмечала М.Ш. Ризаханова, тувинские русские широко отмечали масленицу: «готовили обильную еду (блины, всевозможные печенья, пироги и др.). Обязательны были взаимные посещения и угощения. При этом все просили прощенье за обиды (часто и нереальные): «Прости меня, Христа ради», на что отвечали: «Бог простит, а я прощаю». В этот день прощаются самые давние и застарелые обиды.

«Не прощать – значит, бога гневить», – говорили в народе.

Обязательным компонентом праздника было катание с гор на лошадях, танцы и игры с ряжеными и т.д. Кульминационным моментом масленицы

[19] Тот же

[20] Mongush, M. V. Tuvinians in China: Aspects of their History, Language and Culture / M. V. Mongush // Culture and Environment in Inner Asia. Society and Culture. - 1996. - Vol. 2. - Pp. 116-133.

было разжигание костров, в чем можно проследить распространенный среди русских мотив солярного культа».

Вечером в Прощённое воскресенье ходили также в баню. В конце праздника сжигали чучело Масленицы.

Завершающим обрядом масленичной недели было хождение в гости, называвшееся «просить друг у друга прощения». Оно начиналось в воскресенье к вечеру и продолжалось всю ночь. Родные, младшие шли в дом к старшим, зять – к тестю и теще, внуки – к деду. Посидев, младшие молились Богу и кланялись старшим в ноги, чтобы те простили их, затем целовались. Старшие отвечали: «Господь простит, нас простите, Христа ради». В конце «прощения» младшим раздавали орехи[21].

У русских представителей Республики Тува во время масленицы происходили кулачные бои. В наибольшей степени общинные традиции и семейно-брачные отношения нашли свое отражение в таком масленичном обряде как «вязание колодки».

Как отмечает в этой связи Ч. К. Ламажаа, «вязание колодок» было наказанием юношей и девушек, не вступивших в брак в течение прошедшего года: к их ноге привязывали «колодку» и заставляли некоторое время ходить с ней. «Колодки» были очень разнообразны – это мог быть кусок дерева, полено, ветка и проч., а также лента или кусок материи. Активными исполнителями обряда были замужние женщины. Чтобы отвязать «колодку» откупались деньгами или угощением. Если же не было возможности избавиться от нее, ее носили целый день, а то и до окончания масленичной недели. Основной социальной функцией обряда являлся контроль над сферой брачных отношений и выполнение важнейшей гражданской обязанности – вступать в брак и рожать детей[22].

[21] Бредис М. А. Символика числа девять в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков) // Новые исследования Тувы, №1, 2023. – С. 228-242.

[22] Ламажаа, Ч. К. о. Святое в тувинской культуре: прошлое и современность / Ч. К. о. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, А. В. Монгуш // Новые исследования Тувы. – 2023. – № 3. – С. 220-241.

.А. Токарев относил «вязание колодки» и др. масленичные обряды к эротическим обычаям, в которых наиболее явственно проявлялся дух заинтересованной в своем увеличении общины.

Таким образом, как это видно из представленного материала, в дореволюционное время масленицу широко отмечали различные группы русского населения Республики Тува.

Далее перейдем к исследованию порядка празднования Масленицы в Республике Тува в советское время. Особенностью почти всех советских праздников являлось то, что они возникли «как политические и идеологические».

Естественно, что старинные календарные праздники не относились к их числу, хотя, по свидетельству старожилов деревень и сел Республики Тува «масленица отмечалась еще перед войной». К сожалению, информации о праздновании масленицы в период с 1920 по 1950 годы незначительно, что не дает сделать выводов. Видимо, это связано с игнорированием этого праздника властями ввиду того, что он был отнесен к религиозным в связи с проводившейся в стране кампанией воинствующего научного атеизма и борьбы с религиозными пережитками[23].

Как отмечают наши информаторы, масленицу в 1950–1990-х гг. отмечали больше, как семейно-бытовой обряд, чем как общественный праздник: хозяйки пекли блины, которыми вместе со сметаной, сгущенным молоком, мёдом, красной икрой угощали во время чаепития домочадцев, гостей и коллег по работе.

В масленичную неделю было принято ходить в гости, а зятья с супругами обязательно «ходили к тёще на блины» . И лишь 1 октября 1990 г. Верховный Совет СССР принял закон «О свободе совести и религиозных организациях», а 25 октября 1990 г. в законодательстве РСФСР появился закон «О свободе вероисповеданий», устанавливающий новые

[23] Челинцева М. Н. Проблемы преобразования элементов традиционной духовной культуры в условиях индустриального общества (на примере народных праздников в Ломбардии) // Научный альманах. Традиционная культура. 2016. № 1 (61). С. 7-18.

взаимоотношения государства с религией, религиозными организациями и верующими. Он ознаменовал собой окончание более чем 70-летней борьбы с религией в Советском Союзе. В связи с новыми веяниями в области идеологии и культуры накануне распада СССР было признано, что «динамика развития советского праздника неотделима от сочетания традиционных форм народного гуляния с новым социальным осмыслением их содержания. При этом фольклору было отведено значительное место».

Таким образом, в советское (довоенное) время в связи с антирелигиозной пропагандой и борьбой с религиозными пережитками масленица, ошибочно отнесенная к таковым, не отмечалась. Имеются лишь единичные факты празднования масленицы.

В 1950–1980-х гг. масленицу в Республике Тува отмечали не как календарный праздник, а как семейно-бытовой обряд. Традиция празднования масленицы была возобновлена лишь накануне распада СССР, когда власти попытались переосмыслить содержание традиционных праздников и приспособить их к культурной работе в рамках советской идеологии[24].

Далее рассмотрим особенности празднования Масленицы в настоящее время в Республике Тува.

В постсоветский период масленицу как общественно-бытовой календарный праздник стали отмечать, прежде всего, в г. Кызыл. Деятельность по сохранению русской национальной культуры в Республике Тува, в том числе – празднованию традиционных календарных и религиозных праздников, сосредоточена здесь в городских, районных и сельских домах и центрах культуры и досуга. Особо стоит отметить различные ансамбли и музыкальные коллективы, которые принимают участие в организации Масленицы. К таким коллективам можно отнести «Октай» и «Верея». Артисты коллективов исполняют веселые народные песни о прощании с зимой, весне и обновлении.

[24] Дубровский Н. Масляница. М.: Типогр. С. Селивановского, 1870. 46 с.

Кроме того, масленица, как и любой другой народный праздник, играет важную роль в преемственности певческих, хореографических и других этнокультурных традиций, в укреплении межнационального и культурного сотрудничества.

Особенно масштабно масленица отмечается в последние годы. Не стал исключением и нынешний год. Так, в 2023 году народные гуляния в последний день масленичной недели в столице Тувы прошли традиционно ярко, весело и с размахом. По оценке организаторов, только на площади Арата проводить зиму собралось более 1,5 тысяч горожан и гостей Кызыла.

С Масленицей и окончанием зимы жителей республики в этот день поздравил Глава Тувы Владислав Ховалыг, который отметил, что подобно Шагаа, Масленица - всенародный праздник для всех жителей Тувы, независимо от их религиозной и культурной принадлежности. «Все мы счастливы разделить друг с другом радость от этого праздника», - сказал он[25].

На площади Арата, по обычаю, развернулись яркие торговые ряды, были организованы игры и забавы, которые провели для гостей работники городского ДК «Енисей». Все желающие смогли побегать в огромных лаптях, рубахах и штанах, соревновались в беге в мешках, с коромыслами, метали валенок. Активным участникам игр были вручены сладкие призы.

В конкурсе «Масленичное подворье-2023», организованном Агентством по делам национальностей республики, приняли участие четыре муниципальных образования: Каа-Хемский, Пий-Хемский, Тандинский и Кызылский районы. Жюри, оценив экспозиции и творчество участников, победу в конкурсе присудило пий-хемцам. На втором и третьем местах оказались Тандинский и Кызылский районы соответственно. Участники, занявшие призовые места, были награждены дипломами победителей и денежными сертификатами на общую сумму 100 тыс. рублей.

[25] Демченко, П. Н. Элементы масленичной обрядности через призму мифологии и язычества / П. Н. Демченко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 12-2(74). – С. 57-59.

Также на площади прошло традиционное масленичное покорение столба. Самые ловкие и проворные участники смогли выиграть ценные призы - бытовую технику и инструменты.

Гости праздника с удовольствием фотографировались возле специально организованных для этого фотозон, а также с огромными матрёшкой и медведем, которых «привели» на праздник волшебники из Центра русской культуры. К слову, накануне, 25 февраля, народный ансамбль русской песни «Раздолье» с небольшим гастрольным туром побывал в селе Кызыл-Арыг Тандинского района, где своим выступлением открыл местные масленичные гуляния.

Таким образом, анализ древнего календарного праздника, связанного с проводами зимы и встречей весны, культом предков, семейно-бытовыми обрядами, магией продуцирования, широко отмечался русскими и другими народами и после принятия христианства, в календарь которого он был включен, как один из немногих устойчивых нехристианских праздников.

В дореволюционный период масленицу праздновали русские и другие народности Республики Тува. В советское довоенное время в связи с проводимой антирелигиозной кампанией масленицу, ошибочно отнесенную к религиозным праздникам, практически не отмечали.

В послевоенное время и вплоть до распада СССР этот общественный праздник в Республике Тува отмечали, как семейно-бытовой обряд ограничив его обрядовую форму и магическое содержание, хождением по гостям и угощением блинами[26].

В постсоветский период, в связи с новой парадигмой государственного и общественного устройства России, иными взаимоотношениями государства с религиозными организациями и верующими, возрождением традиционной культуры, праздник обрел своё второе дыхание и широко отмечается как на местном, так и на республиканском уровне. Как нам кажется, празднование

[26] Агапкина Т.А. Масленица // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Институт славяноведения РАН, 2004. Т. 3. С. 194–199.

календарных и религиозных праздников различных этносов Республики Тува и страны способствует консолидации общества, гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений, поддержанию традиционно дружеских и добрососедских отношений между народами Тувы, способствуя возрождению традиционной русской культуры и приостановлению оттока русских и русскоязычных граждан этого региона.

1.2 Пасха в жизни народа

Праздник Светлого Христова Воскресения - главное событие года для православных христиан и самый большой православный праздник, исторически являющийся самым первым христианским праздником. И, вне зависимости от того, взрослые мы или дети, верующие или нет, для нас этот праздник пронизан весенней, радостной атмосферой, ожиданием чуда, он сопряжён со сладостью пасхи, с ароматным вкусом кулича, с пестротой россыпи крашеных яиц. С этим «праздником праздников» связано большое количество обычаев, примет, поверий и гаданий.

Пасху называют по-разному: Великим днём, Праздником праздников. Также называют Пасху Великой, Светлой, Славной, Радостной. «Слово «Пасха» пришло к нам из греческого языка (pascha) и означает «прехождение», «избавление»».

Празднование Пасхи в России — многовековая традиция.

Однозначного и конкретного ответа на вопрос о сроках и особенностях появления пасхального праздника у нас в России нам не встретилось. Но стало известно, что «на Руси Страстная неделя и Пасха слились с древнеславянским многодневным весенним праздником. Основным содержанием весеннего праздника славян было чествование духов предков и жертвоприношение полевым и растительным божествам. Очистительные магические обряды, по верованиям славян, должны были избавлять людей, поля, скот от нечистой силы, обезвреживать её. Люди думали, что

отправление их обеспечит хороший урожай хлебов, здоровый приплод скота, благополучие в семьях»[27].

Известно также, что, «как и все другие древнеславянские праздники, весеннее празднество носило общинный характер. Собравшаяся на праздник община решала сначала важнейшие хозяйственные вопросы, а затем начинались общее пиршество и игрища».

Пережитки древнеславянских обрядов весеннего празднества и поверий, связанных с ним, во множестве сохранились до наших дней в обрядах и обычаях праздника Пасхи. Первоначальное их значение забылось, и поэтому православная церковь даёт им своё толкование и объяснение. Именно об этом пойдёт речь в следующих параграфах нашей работе, где мы расскажем о пасхальных обычаях и традициях за рубежом и в России.

Празднование Пасхи русским населением на территории Республики Тува приобрела устойчивые традиции празднования в каждой христианской семье. Так, например, «с приготовлением и употреблением той или иной пасхальной еды были связаны различные предсказания, поверья, гадания. Также смотрели, как поднимается кулич, будет ли ровной корочка. Если на поверхности кулича получались вмятины, углубления, то это означало, что в доме будет несчастье».

О судьбе гадали и по яйцам, разбивая определённым образом скорлупу. Остатки пасхальной пищи — крошки, скорлупу — никогда не выбрасывали (например, клали в зёрна для посева, разбрасывали по огороду).

Пасхальный завтрак проходил обычно в узком семейном кругу, так как ходить в гости в первый день Пасхи было не принято. Первое пасхальное яйцо часто съедали всей семьёй, разделив его по числу домочадцев. Следует отметить, что эта традиция до сих пор существует во многих семьях. У западных славян на пасхальной неделе практиковались массовые молодёжные обливания.

---

[27] Васильев, В. Е. Пасха и праздник Ыһыах: путь жертвы от духа-зверя до богочеловека / В. Е. Васильев // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2017. – № 3(20). – С. 36-42.

Понедельник на территории Республики Тува был мужским днём (парни, мальчики, мужчины обливали девушек и женщин), а вторник — женским. У русского населения республики в течение всей пасхальной недели любой мог подняться на колокольню и звонить в колокола, благодаря чему пасхальная неделя получила название «Звонильной».

На пасхальной или следующей за ней Фоминой неделях имело место массовое поминовение умерших. В настоящее время этот день известен многим как Родительский день, но смысл его не изменён. Приготовления кпразднику.

Во многих литературных источниках отмечается, что подготовка к празднику Светлого Христова Воскресения издавна создавала в каждой семье удивительную атмосферу любви, согласия и единения. К празднованию Пасхи нужно готовиться заранее.

Так, церковь готовит верующих к самому главному празднику семинедельным постом — временем покаяния и духовного очищения. «В дни Великого поста в домах устанавливался такой распорядок, при котором взрослые и дети постигали тайну жизни Христа и Его Воскресения. Благоговейная, исполненная особого смысла тишина устанавливалась в домах на Страстной неделе. Церковь вспоминала события земной жизни Христа, христиане обращались к последним дням Спасителя на земле. В это время шалить было особенно грешно. Детей усаживали читать Евангелие. В честь Светлого Христова Воскресения дети учили стихи из праздничных номеров «Незабудки», «Тропинки», «Светлячка», «Солнышка», «Детского чтения». В детских журналах того времени печатались стихи, рассказы, повести, посвящённые Пасхе»[28].

Особое значение имеют последние четыре дня Великого поста: Чистый Четверг, Страстная Пятница, субботний вечер и Пасхальное Воскресение. У

[28] Майны, Ш. Б. Семейные обряды тувинцев сегодня / Ш. Б. Майны // Материалы международного симпозиума хакасского эпоса. – Абакан: Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 2021. – С. 288-291.

христиан в Чистый Четверг и сейчас существует обычай очищаться перед большим праздником.

Как известно, самыми распространёнными формами очищения водой и сегодня являются купание и обливание. Раньше в Чистый Четверг детям стригли первые волосы. В этот день традиционно убирали в доме, начинали готовить пасхальные блюда. Традиционная уборка в Чистый Четверг существует и в настоящее время. В субботу заканчиваются последние приготовления к празднику Воскресения Христова, когда дом уже сияет чистотой, а на столе лежат крашеные яйца и ароматно пахнут куличи. «Пасхальное богослужение отличается особой торжественностью. Перед его началом в храмах зажигаются все светильники, и люди, находящиеся в храме, стоят со свечами в знак особой духовной радости. Со времён апостолов пасхальное богослужение совершается ночью»[29].

«Перед полночью торжественная процессия выходит из храма на улицу — начинается крёстный ход. Крёстный ход, совершаемый в пасхальную ночь, — это шествие Церкви на встречу воскресшему Спасителю. Крестный ход совершается вокруг храма, при непрерывном звоне колоколов. Впереди крестного хода несут фонарь, за ним запрестольный крест, запрестольный образ Божьей Матери, далее идут двумя рядами, попарно, хоругвеносцы, певцы, свещеносцы со свечами, диаконы со своими свечами и кадильницами и за ними священники. В последней паре священников идущий справа несёт Евангелие, а идущий слева — икону Воскресенья. Завершает шествие предстоятель храма с трисвешником и Крестом в левой руке».

Суббота сменяется светлым Христовым Воскресеньем. «Христос воскрес!» — «Воистину воскрес!» — такими словами приветствуют друг друга верующие в этот день. Пасхальный стол Ни для кого уже не секрет, что «на Пасху большое место занимает обрядовая еда, которая включает в себя «пасху» из творога с маслом, сахаром, яйцами и изюмом, куличи и крашеные

[29] Суханов, И. В. Обычаи, традиции, обряды как социальные явления / И. В.Суханов. - Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1973. -256 с.

яйца. Кулич, пасха и яйца должны быть готовы к субботе, когда всё это несут в церковь, чтобы освятить. Приготовлялся также артос — большой, раскрашенный и позолоченный хлеб, в середине которого изображался либо крест, либо само Воскресенье Христово».

Народные игры как часть традиционной культуры русского народа Республики Тува всегда занимали значимое место в социализации человека. «Передаваемые из поколения в поколение, они вобрали в себя лучшие национальные традиции».

Известно, что издавна «с Пасхи начинали качаться на качелях, открывались гуляния с весёлыми играми, хороводами. Одним из широко распространенных пасхальных развлечений было катание крашенок». Для этого изготовлялся специальный лоточек с желобом («каток»). Играющие усаживались друг против друга на определённом расстоянии и по команде скатывали яйца по лоточкам. Если скатившееся яйцо ударялось об яйцо другого игрока и разбивало его, то разбитое яйцо играющий забирал себе. Эти игры на территории русских деревень Республики Тува можно встретить и сегодня[30].

Теперь обратимся к современным традициям и практике празднования Пасхи русским населением Республики Тува.

В 2023 году Пасха праздновалась 16 апреля. Всех жителей и священнослужителей Кызылской Епархии в этот день поздравил глава Тувы.

В православных храмах и приходах на территории Республики Тува были проведены праздничные пасхальные службы, которые продолжались всю пасхальную неделю. В день празднования Светлой Пасхи в Кафедральном соборе Кызыла обычным прихожанам позволяют звонит в колокола, тем самым приобщиться к Русской Православной Церкви.

В Центре русской культуры в честь празднования Пасхи сегодня был организован концерт с участием секретаря Кызылской епархии - иеромонаха

[30] Shimamura, I. The Movement for Reconstructing Identity through Shamanism: A Case Study of the Aga-Buryata in Post-socialist Mongolia / I. Shimamura // Inner Asia. - 2004. - No. 6. - Pp. 197-214.

Ермогена и православного хора. Выступали солисты и коллективы ЦРК, а так же представлена театральная мини-постановка «Три дерева».

Глава II. Эволюция обрядовых традиций русского населения Тувы (вторая половина) XX в.- начало XXl в.

2.1. Новый год: этнические традиции и нововведения

Одним из самых любимых, популярных праздников тувинцев является празднование нового года по лунному календарю Шагаа. В советские годы он был запрещен, а первое же возрождение этой традиции связано с профессиональным искусством - первое постсоветское празднование состоялось на главной сцене Тувы в Тувинском музыкально-драматическом театре.

Шагаа — традиционный праздник встречи Нового года по лунному календарю тувинцев, коренного населения Республики Тыва. Он является одним из самых любимых календарных праздников народа. Этимология слова «шагаа», как признают ученые, не вполне ясна. На этот счет есть две основные версии:

1) термин произошел от монгольского названия цагаан сар, традиционного начала нового года;

2) слово шагаа исконно тувинского происхождения и восходит к словосочетанию шаг аазы (букв. ‘молозиво времени’)[31].

Также считается, что термин восходит к шаг агы (букв. ‘белый цвет времени’) и имеет древнетюркские корни: чак агы ‘белая пора’; ‘белый цвет времени’.

По мнению нашего 86-летнего информанта, Шагаа образовано от слов шаг ‘время’ чаа ‘новый’. Также он говорит, что в наступающем новом году все связано с белыми помыслами, с надеждой на хорошую, благополучную жизнь, в связи с чем к данному празднику тувинцы заранее основательно готовились. При этом в первую очередь это был семейный праздник. Его история уходит в глубину веков, однако письменных источников почти нет.

[31] Сувандии, Н. Д. Шагаа в современной праздничной культуре тувинцев (по результатам опроса) / Н. Д. Сувандии // Знание. Понимание. Умение. – 2023. – № 2. – С. 195-206.

По мнению С. Ч. Донгак, «сложно сказать, с какого конкретного времени тувинцы стали отмечать Новый год по лунному календарю, основанному на двенадцатилетнем животном цикле».

В любом случае ученые отмечают, что Шагаа был одним из самых любимых праздников тувинцев.

После вхождения Тувы в состав Советского Союза в 1944 г. Шагаа, как и ряд других традиционных, религиозных праздников, обрядов, был запрещен. С середины 1980-х гг. в связи с возрождением религий празднование Нового года по лунному календарю возобновилось.

В 1991 г. по постановлению Верховного Совета Тувинской АССР Шагаа приобрел статус национального праздника. Этот день, который каждый год устанавливается по лунному календарю в разные даты, объявляется выходным. С тех пор Шагаа стал отмечаться массово, проводиться как большой общественный праздник в деревнях и городах республики.

В столице республики, в г. Кызыле, например, главные торжества проходят на центральной площади Арата. Так традиционный календарный праздник Шагаа снова приобрел большое значение в праздничной культуре тувинцев. Мы рассматриваем его как один из важнейших концептов тувинской этнической культуры. Но его восстановление в связи с перерывом в несколько десятков лет в новых условиях показывает некоторую трансформацию праздника. С одной стороны, есть большая общественная потребность в реконструкции обрядности, в восстановлении утраченной информации. Это обусловило актуальность научного изучения Шагаа, в том числе в связи с параллелями с подобными празднованиями в других культурах — у монголов, бурят, калмыков и др. Имеются и работы, где авторы описывают Новый год по лунному календарю у этнических тувинцев, проживающих за рубежом[32].

[32] Сувандии Н. Д. Шагаа — традиционный национальный праздник тувинцев // XIV Конгресс антропологов и этнологов России : сб. материалов. Томск, 6-9 июля 2021 г. М. ; Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 2021. С. 116-117.

Ученые, занимаясь поисковой, научно-исследовательской, аналитической работой, одновременно и популяризируют знания: выпускают научно-популярные издания, выступают в средствах массовой информации, читают лекции в учебных заведениях. В то же время у жителей республики есть еще и свои источники информации — воспоминания представителей старших поколений, которые помнят о том, как в советские годы праздник отмечали, но тайно.

К празднику Шагаа тувинцы-скотоводы начинали готовиться уже в конце осени, когда переезжали с осенней стоянки в зимнюю. О том, как наши родители праздновали Шагаа в середине 1940/х — начале 1950-х гг., помнит наша старшая сестра С. Д. Дамбыра, которой тогда было лет 7–10. Это был последний праздник семьи до официального запрета. Она хорошо помнит, что родители, переехав на зимнюю стоянку, резали бара/ на, делали YYже ‘запас замороженного мяса’, заворачивали его в шкуру самого животного и откладывали в укромное место под навес у стоянки. Уже после новогодних каникул, когда она была в интернате, где учились дети животноводов — чабанов, за нею приехал отец и сказал, что завтра Шагаа, он забирает ее домой — в аал (стоянку юрт). Дома мать сказала, что в день бYдYY ‘последний день старого года’ надо хорошенько убраться, встряхнуть все ширтек ‘войлочные ковры’, джек ‘постель, подстилки, тюфяк’ и хеп/сын ‘одежду’. Они занимались этой уборкой весь день. Вечером достали тот самый YYже ‘запас замороженного мяса’ и начали его размораживать. Как наказывал отец, в ночь самого Шагаа желательно не спать, поэтому старшие из детей играли с родителями в разные игры (например, кажык ‘бабки’)[33].

Тем не менее дети не смогли продержаться так всю ночь и уснули. Утром их разбудила мать, они быстро встали, оделись. С родителями они поднялись на тей ‘холм’, который находился недалеко от юрты. На самом верху холма отец уже заготовил дрова для обряда окуривания сан, салыры,

[33] Санчай Ч. Х. Культурные практики в профессиональном искусстве. Праздник Шагаа // Искусство на Востоке и Восток в искусстве : от традиционных форм к современным арт-практикам : тез. докл. I Междунар. науч. конф., Москва, 28-30 июля 2022 г. М. : Институт востоковедения РАН. С. 120-122.

зажег его и положил в огонь белую пищу (ак чем), т. е. продукты из молока. Раньше тувинцы «кормили» огонь мясом, но под влиянием буддийских взглядов затем отказались от этого. Мать начала разбрызгивать ложкой чай во все стороны (шай чажар), затем дала детям его остатки, чтобы выпили. Отец велел снять верхнюю одежду (пальто и шапки), чтобы все их встряхнули.

Таким образом, все старое и плохое, что сопровождало нас, должно было уйти. После этого все поели быжырган далган ‘жареные лепешки’, попили чай и пошли домой. В юрте все ели заранее заготовленные продукты. Вечером мать сварила хой эъ/ ди ‘баранину’, вытащила чодураалыг чкпек ‘лакомство из гущи, оставшейся после топления масла с черемухой’, боова/бoорзак ‘лепешки, баурсаки’ и др.

Затем все члены семьи катались с горки на инек кежи ‘коровьей шкуре’, приготовленного отцом сразу после забоя коровы на чиш ‘убойный скот’. После этого долгое время мы не праздновали Шагаа. Тем не менее, как мы знаем, немало семей отмечали этот праздник в кругу семьи тайно. Как пишет М. М. Б. Харунова, развернувшийся в Туве, как и во всех регионах России, с конца 1980-х гг. процесс возрождения национальной культуры стал проходить этапами[34].

Вернулся и Шагаа, в том числе и как общественный праздник. Так, например, Шагаа встречали в начале 1990-х гг. на филологическом факультете Тувинского государственного университета — преподаватели и студенты.

Утром до восхода солнца собирались в учебном корпусе, рядом на улице совершали обряд окуривания. Все приносили национальные блюда, угощались. После этого все дружно отправлялись на площадь Арата в г. Кызыле, где проводились массовые мероприятия для всех жителей города и

[34] Ондар, А. У. о. Традиционная новогодняя пища у тувинцев / А. У. о. Ондар // Новые исследования Тувы. – 2015. – № 1. – С. 14.

гостей столицы. Таким образом, судьба календарного праздника Тувы Шагаа в XX в. имела не только перерыв, но и приобрела новые формы[35].

В настоящее время Шагаа имеет и общественную форму, а также форму семейного праздника. Семьи выполняют многое из того, что было в прошлом, но уже в других условиях, поскольку большинство тувинцев проживают в сельской местности, в городах.

Люди заранее делают генеральную уборку жилища, закупают такие продукты, как далган ‘мука из жареного ячменя’, чкпек ‘лакомство из остатка топленого масла’, тыва мороженное ‘замороженная процеженная гуща кислого молока хойтпака с сахаром’, тараа ‘толченым в ступке просо’, саржаг ‘топленое масло’, т. е. всем тем, чем питались с древних времен наши предки.

Основным же продуктом является мясная пища, которая также считается ритуальной. Так, по вечерам, накануне Шагаа, мы варим хой эъди ‘баранину’, которую заготавливаем также заранее — в ноябре. Обычно это тш ‘грудинка’, калбакчарын ‘лопатка’, ээгилер ‘ребрышки’, кургулдай ‘прямая кишка с начинкой’. Хозяйки стряпают мучные продукты. Считается, что стол должен быть богатым разнообразными блюдами, чтобы в наступившем году было обилие продуктов.

В ночь Шагаа тувинцы ходят на ночные ном номчулгалары ‘молебны’, которые читают ламы в хYрээ ‘буддийских монастырях’, а также в общественных местах, как, например, Дом народного творчества, Национальный театр им. Виктора Кокоола и др. Одним из основных обрядов Шагаа остается сан, салыры — обряд очищения можжевельником, основным смыслом которого является очищение от всего плохого, что было в старом году, орантан,дыдан диленип алыры ‘испрашивание разрешения у природы, тайги…’. Место для костра, щепки — все готовят мужчины во дворах домов,

[35] Бичелдей, У. П. Религиозные аспекты обрядов шагаа (Нового года) у урянхайцев-тувинцев монгольского Алтая / У. П. Бичелдей // Материалы Первого алтаистического форума "тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность". – Барнаул - Горно-Алтайск: Алтайский государственный университет, 2019. – С. 124-126.

если есть возможность. Утром с восходом солнца семьи выходят, чтобы очиститься вместе.

Женщины готовят пищу, варят сҮттҮг шай ‘чай с молоком’. Чай наливается сначала для бурган ‘богов’, изображения и фигурки которых стоят в определенном, «красном» уголке. Также хозяйки брызгают чай оранделегей ээлери ‘хозяевам света (мира)’, прося у них в них в новом году милости и произнося благопожелания. Все снимают верхнюю одежду, вытряхивают ее. Затем возвращаются домой к накрытому столу.

Днем тувинцы любят выходить на площади, где разворачиваются массовые гулянья, организованные профессиональными работниками культуры. Помимо этого, мероприятия проходят на протяжении нескольких дней, не только в сам праздничный день, в домах культуры, образовательных учреждениях.

Творческие коллективы показывают концертные программы. Проводятся различные фестивали, турниры, конкурсы, продажи. Организуются национальные игры: тевек ‘почекушки’, кажык ‘игра в бабки’ и другие, о которых в своих работах пишут исследователи. Проводятся и современные спортивные состязания, как канат тыртары ‘перетягивание каната’, шыдыраа ‘шахматы’ и др[36].

Полные программы празднования Шагаа публикуются в местных средствах массовой информации, на официальных порталах органов власти4.

В 2021 и 2022 гг. из-за пандемии COVID/19 праздники проводились в условиях карантина в онлайн-формате, что фактически означало отказ от общественной формы.

В 2023 г., к радости жителей республики, все вернулось в прежний формат.

[36] Об объявлении Шагаа народным праздником Тувинской АССР : Постановление Верховного Совета // Тувинская правда. 1991. 12 ф

Таким образом, современный Шагаа обогащен сочетанием семейной и общественной форм празднования, что, безусловно, не может не нравиться жителям республики, а также имеет хороший туристический потенциал.

Однако, несмотря на массовый характер праздника, его распространенность в среде тувинцев до сих пор остается под вопросом. Именно поэтому мы провели опрос, в котором приняло участие 858 человек.

Немаловажным для нас был тот факт, что анкета была составлена на тувинском языке, что, во-первых, обусловлено нашим общим подходом к изучению культуры на родном языке, с функционированием языковой терминологии культуры, во-вторых, привлекло к заполнению анкеты широкие слои тувинцев, проживающих в разных районах Тувы.

Опрос был нерепрезентативным, но большое число полученных мнений позволяет нам видеть определенную картину мнений.

По полученным сведениям, в анкетировании приняли участие тувинцы разного возраста: 15–20 лет — 13,2%, 20–30 лет — 15,3%, 31–40% — 24,5%, 41–50% — 24,8%, 51–59% — 15,1%, 60 и свыше лет — 7,1%. 11,5% респондентов составили мужчины, 85,5% — женщины[37].

По роду деятельности: учащиеся или студенты — 21,7%; разнорабочие — 20,6%; научные сотрудники — 10,6%; работники СМИ — 21,7%; работники других сфер — 25%.

По семейному положению: замужем, женат — 60,6%; холост или незамужние — 24,5%; разведенные — 9,90%; вдова или вдовец — 9,8%.

Среди опрошенных были жители г. Кызыла — 34,4%; других городов республики —12,4%; жители районных центров — 25,9%; сельских поселений — 26,6%.

Как видим, состав респондентов оказался достаточно разнообразным по разным параметрам.

[37] Предновогодний этап подготовки к Шагаа (2020) [Электронный ресурс] // Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально/экономических исследований при Прави/ тельстве Республики Тыва. 2020, 18 февраля. URL: https://tigpi.ru/4617/2/ (дата обращения: 12.09.2023).

Анкета содержала 30 вопросов, касающихся празднования Шагаа в их семьях и семьях близких родственников и друзей. Для ответа на общий вопрос: «Знаете ли вы о праздновании Шагаа?» («Шагаа байырлалынын, дугайында билир силер бе?») — респондентам были предложены варианты ответов, которые предполагали степени знания этого праздника: «Хорошо знаю», «Слышал, но знаю не так хорошо», «Ничего не знаю».

Третий вариант ответа не выбрал никто, а вот по степени знания мнения разделились. 78,8% ответивших считают, что хорошо знают этот праздник, а 21,2% — не так хорошо. Это говорит о том, что, несмотря на уже более чем двадцатилетнюю историю праздника в постсоветское время, в тувинском обществе сохраняется определенный процент людей, испытывающих недостаток знаний.

На вопрос о том, как респонденты, в каком кругу, с кем отмечают Шагаа, были даны варианты ответов, которые предусматривают уточнение формы празднования. Мы получили следующие ответы: дома с семьей отмечают — 72,9%; со всеми родственниками или родственной группой — 14% и вовсе не отмечают ни с кем — 4,9%[38].

На общее массовое празднование в городе или деревне ходит 24,6%. Таким образом, мы видим, что Шагаа в первую очередь остается для большинства тувинцев семейным праздником, хотя и общественная форма празднования также стала популярной.

На празднике Шагаа, как уже было сказано, соблюдаются обряды, поддерживаются определенные традиции. Об их знании сообщила почти половина респондентов — 48,5%. 33,1% ответили, что знают об общественных мероприятиях, которые организуются и в которых можно принимать участие. 18,4% — ничего не знают о том, что надо делать. Тем не менее обряд очищения проводят 82,1% (во дворе своего дома — 62,9%, в отдалении от города или деревни — 9,1%; у памятника Кадарчы (чабану)

[38] Предновогодний этап подготовки к Шагаа (2020) [Электронный ресурс] // Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально/экономических исследований при Прави/ тельстве Республики Тыва. 2020, 18 февраля. URL: https://tigpi.ru/4617/2/ (дата обращения: 12.09.2023).

недалеко от г. Кызыла — 8,1%; на горе Догээ или на горе вблизи деревни — 10,1%). И только 7% не проводят.

Таким образом, не будучи уверенными в знании обрядности, все же большинство наших респондентов проводят один из важнейших обрядов — обряд очищения. В любом случае население нуждается в дальнейшем просвещении о празднике и традициях встречи Нового года по-лунному календарю.

На вопрос: «Спите ли вы в ночь на Шагаа?» («Шагаа дҮнезинде г/бҮлен,ер уду/ ур бе азы хондур удувас бе?») — были получены такие ответы: «Нет, не спим» — 59,9%; «Ложимся спать, как в обычные дни» — 40,1%. Неспящие пояснили, что готовят праздничный ужин, пьют чай — 55,4%; также играют в национальные игры — 37,4%. При этом в ночь Шагаа (но очевидно, что не всю ночь) в молебнах принимают участие — 68,8%; не принимают — 31,2%. Из буддийских храмов г. Кызыла наиболее посещаемы монастырь Цеченлинг, монастырь Эрзинский на ул. Колхозной. Молебны проходят и в Национальном музыкально/драматическом театре им. В. Кокоола, куда ходит 9,5% респондентов; в республиканском центре народ/ ного творчества — 9,3%. Накануне Шагаа во дворе всех буддийских храмов проводится обряд Сор[39].

Участвующие в нем дома из далган ‘жареной муки ячменя’, топленого масла и чая с молоком готовят шарики. Считается, что шарик уносит с собой все плохое, что накопилось на теле и душе у человека за год. Его с молитвами прикладывают к разным частям тела, в том числе больным, чтобы он «всосал» в себя все плохое. Этот шарик кладут в мешок и идут в храм на обряд. Монахи сначала в храме читают молебны очищения от старых грехов и всего плохого, затем все выходят во двор на заранее приготовленный большой костер.

[39] Предновогодний этап подготовки к Шагаа (2020) [Электронный ресурс] // Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально/экономических исследований при Прави/ тельстве Республики Тыва. 2020, 18 февраля. URL: https://tigpi.ru/4617/2/ (дата обращения: 12.09.2023).

Когда монахи зажигают костер, туда с молитвами бросаются шарики. Такой обряд постоянно посещают, судя по ответам наших респондентов, 30,8%; не регулярно — 30,8%; не посещают вовсе — 38,8%. По словам информантов старшего поколения5, такого обряда у тувинцев раньше не было. Он появился в последнее время, в связи с чем значительная часть населения о нем не знает. Тем не менее, по нашим наблюдениям, с каждым годом количество участников данного мероприятия увеличивается. Заметно превалирование буддийских ритуалов в нынешних мероприятиях, связанных с Шагаа.

На общественные обряды освящения с разжиганием костра сан, салыры, проводимые шаманами во время Шагаа (например, на берегу у слияния рек Каа-Хем и Бий-Хем, образующих Енисей), как выяснилось, ходит всего 5,6%; ради интереса посетили пару раз 13,5%. Шаманов тувинцы в основном приглашают на похоронные обряды (на 7 и 49 дней после похорон). Кроме того, к их услугам прибегают в повседневной жизни, чтобы очиститься от всего плохого при помощи камлания[40].

Нами задавались и вопросы, касающиеся питания во время празднования Шагаа. Главные блюда застолья, конечно, готовятся из мяса.

Однако специальную ҮҮже ‘замороженную баранину’ для праздника заготавливают и хранят в кладовой 32,8%. Наши респонденты для застолья в основном готовят дҮлген эът ‘вареное мясо’, манчы ‘пельмени’, хуужуур ‘пирожочки’, быжырган далган болгаш боорзак ‘жареные лепешки и баурсаки’, далган ‘жареная мука из ячменя или пшеницы’, тараа ‘просо’, ак чем ‘белая пища’ (быштак — прессованный сыр, чодураалыг азы ҮҮргенелиг чкпек — лакомство из гущи оставшегося после топления масла с добавлением черемухи или живородной гречки).

[40] Санчай, Ч. Х. О. Праздник Шагаа в современном культурном пространстве / Ч. Х. О. Санчай // Байкальские встречи - XII: традиционная культура как основа сохранения и развития этнической идентичности : Материалы международной научно-практической конференции, Улан-Удэ, 29–30 сентября 2022 года. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный институт культуры, 2022. – С. 257-266.

На вопрос: «Имеется ли блюдо, которое готовится только на Шагаа?» — четверть респондентов (25,3%) ответили, что готовят кадык — кашу из пшена с добавлением сYт ‘молока’ и ааржы — процеженной и сушеной гущи кислого молока (хойтпак). Наиболее популярной игрой, которую знают современные тувинцы как игру во время Шагаа, является кажык ‘игра в кости’.

Ее назвали 70% наших респондентов. Для нее используются обработанные позвоночные кости, чаще всего бараньи, которыми играют, соревнуются.

Например, в разновидности игры аът чарыштырары ‘конные скачки’ создаются две команды. Участники по очереди кидают кости так, чтобы они упали определенным образом, после чего делают шаги. Кто первым пре/одолеет расстояние, тот побеждает. В разновидности кажык кагары соревнуются в количестве схваченных в руку костей. Кто соберет у себя больше кажык, тот побеждает. Педагоги признали ее потенциал как развивающей для детей, поэтому она прочно вошла в учебные программы дошкольного образования[41].

Таким образом, можно сказать, что информированность тувинцев о Шагаа есть, но она недостаточная и общество продолжает испытывать недостаток знаний. Помимо того, что наши респонденты знают о самом празднике, о порядке его проведения, как они сами встречают Шагаа, мы также поинтересовались тем, как люди оценивают восстановленный праздник, как сравнивают его с прошлым традиции.

Как выяснилось, более трети тувинцев старшего возраста (38,3%) усматривает разницу старого и настоящего. Среди различий называют проведение Шагаа в организациях за три-четыре дня до наступления праздника, хотя, по мнению тувинцев, желательно действовать в день бYдYY ‘накануне’. Также раньше, вспоминают наши респонденты, люди носили

[41] Демина Л. В. Традиционный праздник в контексте современной культуры // Вестник Челяб. акад. культуры и искусства. 2011. № 1(25). С 103-107.

национальную одежду почти в течение месяца, так как праздник длился в течение месяца. В игры Шагаа продолжали играть в течение месяца, а сейчас только в дни празднования.

Но в целом большинство (88,7%) все же довольны тем, что Шагаа отмечается. Это вполне объяснимо — соблюдение обычаев и традиций предков считается очень важным для развития культуры, передачи народных знаний подрастающим поколениям. Именно воспитательное значение поддержали в ответах 80% участников нашего опроса. Тем не менее вызывает исследовательский интерес то, что 11,3% выразили недовольство, а 7% не задумывались о значении праздника.

Полагаем, что эта тема нуждается в особом изучении. Относительно места проведения празднеств тоже есть разногласия. 46,1% считают, что лучшим местом является свой дом, своя семья. 30,8% говорят, что праздновать предпочтительнее в учреждениях культуры и досуга.

Остальные 23,1% полагают, что правильнее Новый год встречать в кругу своей родственной группы трел аймак.

Отметим, что подобная коллективная форма распространена в сельских местностях. Мы посещали такой Шагаа в 2018 г. Он проводился трел аймак салчак в с. Сесерлиг. Предки этой группы всю жизнь прожили в данной местности, потомки и до настоящего времени там проживают и разводят скот. По словам нашего информанта, в сумоне (сельском поселении) есть две чабанские бригады, которые проживают на берегу рек Баян-Кол и Сесерлиг, в состав которых входят несколько родственных групп. Они по очереди организуют встречу Нового года по лунному календарю, готовясь к этому весь предыдущий год. Они проводят прием гостей, их угощение национальными блюдами. Все соседи-чабаны помогают им в приобретении призов на различные игры и конкурсы.

Главным конкурсом Шагаа у них стало поедание пельменей, где необходимо бардамнаар ‘хвалиться своими силами’, поэтому так он и называется. Участие принимают как мужчины, так и женщины. Мы

наблюдали конкурсы в исполнении кожан, ‘частушек’, дҮрген чугаа ‘скороговорок’, тывызыктажыры ‘отгадывании загадок’ и др. Спортивные состязания были в ча адары ‘стрельбе из лука’, тыва хуреш ‘национальной борьбе’, чадаг чарыш ‘бег на различные дистанции’ и др. Такой формат проведения праздника позволяет людям общаться, поддерживать родственные связи, чувствовать коллективную помощь, а также, что немаловажно, распределять финансовые затраты.

2.2. Рождество Христово: возрождение традиций

Характерными чертами рождественско-святочной обрядности в местных традициях Республики Тува являются обходы домов с целью славления Рождества, ряженье, гадания.

В повествованиях о святочной обрядности Тувы выделяются несколько тем. Во-первых, рассказы о славлении – ритуальных обходах домов детьми и взрослым населением. Вторая характерологическая черта местной святочной обрядности – ряженье[42].

В повествованиях, посвященных ряженым, практически все информанты затрагивают следующие темы: поведение ряженых вне и внутри дома; период их активизации, одежда (перечень элементов и качественные характеристики) и маска, персонажи ряженья, угощение ряженых.

С меньшей регулярностью появляются темы, связанные с технологией изготовления маски, а также психологические переживания от встречи с ряженым и индивида, который сам был ряженым в святочный период.

Наконец, довольно большой блок текстов и свидетельств составили рассказы о прогностических ритуалах: гаданиях на имя или образ будущего мужа, судьбу (замужество – смерть, беременность и проч.) (с сочнем, при помощи кольев забора, обувью, тенью от сожженной бумаги, слушались на

[42] Nishimura, M. A Social Adaptation of Reindeer Herder"Tsaatan" in a Period of Post-socialism: A Case Study About a Taiga District of North Mongolia / M. Nishimura // JCAS Occasional. - 2003. - Paper. No 20.

перекрестках дорог или под окнами дома, замороженной в ложке водой, с обручальным кольцом, с животными и проч.) и нарративы о сбывшихся / несбывшихся гаданиях, представляющие собой рассказы о реальных случаях из жизни информантов[43].

Материалы, связанные со славлением Рождества в русских селах и деревнях республики тува, фрагментарны и не позволяют реконструировать развернутую цельную картину этого явления. Вместе с тем, привлечение работ, обобщающих наблюдения о нем у русских других регионов и локальных традиций, позволяет восстановить отдельные моменты христославления и выделить некоторые общие и специфические детали местного ритуала.

Сведения о церковных или прицерковных обходах, осуществляемых священниками, церковнослужителями, учащимися церковных заведений, певчими церковных хоров, нищими (классификация А. Н. Розова), нами не зафиксированы.

Обходы дворов взрослыми и детьми с целью славления Рождества, по свидетельствам информантов, начинались рано утром 7 января, непосредственно в день Рождества Христова. Свидетельства о подготовительных действиях, составе и половозрастных характеристиках групп славильщиков в материалах крайне редки или вовсе отсутствуют.

Фиксируются факты и коллективных, и индивидуальных обходов со славлением, однако чаще местные жители республики отмечают, что ходили группами. Судя по количеству записей и комментариям информантов, детские рождественские обходы активно бытовали в селе Эрзин и Нарын (Эрзинский район). Известно, что дети чаще ходили славить по родственникам.

При входе в дом славильщики получали разрешение от хозяев на исполнение ритуала славления. Разрешение оформлялось имплицитным

[43] Радлов, В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи: В 10 ч. Ч. 9. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: тексты собранные и пер. Н. Ф. Катановым / В. В. Радлов. - СПб.: тип. Академии наук, 1907. - 756 с.

формульным диалогом: «Славите ли Христа?» – «Славьте», вторая императивная реплика которого служила зачином ритуала, после чего следовало исполнение молитв и / или рождественских приговоров.

Сведения об использовании специальных атрибутов славления (звезда, фонарь, вертеп, «рачея» и проч.), имевших широкое распространение в традициях Русского Севера, в традициях Эрзин и Нарын не зафиксированы. Репертуар взрослых славителей включал тропарь «Рождество Твое Христе Боже нас…» и ирмос «Христос рождается, славите...», в отдельных случаях их могли петь и дети, подростки, обученные родителями[44].

При исполнении информанты старались следовать традиционной манере песнопений (песенноречитативная), контаминируя фрагменты богослужебных текстов в один или заимствуя начальные фрагменты из каждого канонического текста и соединяя их друг с другом, допуская при этом разночтения с каноническими текстами в вербальной манифестации, искажения текстов (например, срящите – здравствуйте, мирови свет разума – мира и всех разума и др.; жирным шрифтом мы выделили текстологические схождения):

[пример из репертуара славильщика]	[канонические тексты]
Вот он и начинает славить:	*Канон 1. Ирмос*
Христос рождается – славите!	**Христос раждается – славите,**
Христос в небе – здравствуйте!	**Христос с Небес** – срящите.
Христос на земле – возносится!	**Христос на земли – возносится.**
	Пойте Господеви, вся земля,
Воспойте, люди, яко прославимся!	И веселием **воспойте, людие,**
	Яко прославися…
	Тропарь, глас 4
Рождество Твое Христе Боже нас,	**Рождество Твое, Христе Боже** наш,
Воссияя мира и всех **разума**.	**Возсия** мирови свет **разума**,
	В нем бо звездам служащии
	Звездою учахуся
Тебе кланяемся, света божьего…	**Тебе кланятися**, Солнцу Правды,
[Дальше] *забыл*...	И Тебе ведети с высоты востока.
(зап. Л. С. Лобанова, С. Г. Низовцева,	Господи, слава Тебе.
А. Н. Рассыхаев 5.06.2011 г. в пос. Нючпас	(https://azbyka.ru/bogosluzhenie/kanonnik/
от Д. И. Костина, 1935 г.р.).	kanon04.shtml, дата доступа: 6.04.2017 г.)*.

[44] Черных А. В. Рождественские и новогодние обходы в русских традициях Пермского Прикамья в конце XIX – первой половине XX века // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2008. Вып. 1. С. 89–108.

Фрагментарность поэтических текстов и мозаичность описаний процесса рождественских обходов, отсутствие более ранних свидетельств (что объясняется, в частности, возрастными показателями информантов, попавших в опросы (их рождение приходится в основном на 1930-е гг.), закрытием в заводских поселениях в это же время церквей и запретами на поддержание традиции христославления) не позволяют провести полноценный анализ этого явления.

Чаще фиксируются тексты-воспоминания о славлении Рождества детьми, основанные на личном опыте и личных переживаниях современных информантов. В эти записи, помимо описания ритуальных действий, встраиваются временные и возрастные показатели, мотивировки, образцы народной терминологии и собственно поэтические тексты, отличающиеся текстологическими вариантами.

В эрзинской и нарынской традициях дети исполняли рождественский приговор, варианты которого зафиксированы во многих традициях России.

А. Н. Розов, ссылаясь на мнение Е. А. Костюхина, отмечает, что возникает приговор в среде польских школяров, заимствуется сначала украинцами и белорусами, затем попадает в Россию.

В исследованиях представлено несколько точек зрения на жанровую природу этих текстов, в научном узусе они называются «славильный приговор», «рождественская песенка», которую «читали или пели», колядка, рацейка, текст «славка» и др.

Публикаторами и собирателями XX в. эти тексты номинировались как детская рацея (П. А. Бессонов, А. Шешенин, Г. К. Завойко), припевка, присказка (А. Н. Соболев, Г. С. Виноградов).

Местная народная терминология предлагает такие дефиниции, как присказулька, припевка, стишок. Комментируя особенности исполнения этих текстов, информанты указывают, что они поются, говорятся; или отмечают их песенноречитативный характер. Посредством имеющихся дефиниций современные информанты подчеркивают краткость, лаконичность формы, в

ряде случаев легковесность, легкомысленность, шуточность содержания, особенности исполнения; номинации передают сформированное внутри традиции представление об этом жанре детского репертуара как несерьезном, простом по форме, не содержательном.

Современные записи демонстрируют степень текстовой вариативности: от 2–4 строк до более развернутых вариантов, в зачине которых появляется образ мальчика / вьюнчика / юньчика; в основной части перечисляются его действия («сел на стульчик», «прыгнул (вар.: прыг) на стульчик», «в дудочку играет», «гостей собирает», «Христа поздравляет», «Христа величает»), высказывается пожелание достатка, благополучия, процветания; заключительная часть содержит просьбу об одаривании («пожалуй рубличок / пятачок», «полезай в сундучок, доставай пятачок» и др.) и мотив получения угощения, например:

Маленький Юньчик,
Сел на стульчик,
Дудочкой играет,
Христа поздравляет.
Со скотом, животом,
С пшеницею, с овсом.
Ты, хозяин-мужичок,
Полезай в сундучок,
Доставай пятачок.
Нам на орешки,
Деткам на потешки

Финальные три строки, содержащие требование-просьбу одаривания, получили блльшую закрепленность в традиции и памяти информантов, нежели средняя часть рождественского приговора, передающая идею пожелания достатка, благополучия, процветания:

Юньчик, юньчик,
Сел на стульчик.
В дудочку играет,
Христа поздравляет.
Вам на орешки,
Нам на потешки,
Деточкам на прянечки.

***

Маленький Юньчик,

Сел на стульчик,

Дудочкой играет,

Христа проздравляет.

Вам на потешки,

А маленьким ребятам на прянички, на конфеточки

В самом кратком варианте, получившем наибольшее распространение, центральной остается идея прославления Христа и присутствующих:

Юньчик, юньчик,

Сел на стульчик

В трубочку играет

Христа поздравляет

***

Вьюньчик, вьюньчик,

Сел на стульчик.

Дедушку и бабушку,

И Христа поздравляет

***

Маленький Юньчик

Сел на стульчик.

В дудочку играет,

Христа поздравляет

***

Маленький мальчик

Сел на стульчик,

Дудочкой играет,

Гостей собирает…

Некоторые поэтические варианты демонстрируют процесс «потери основной смысловой части христославления – прославление рождения Христа», актуализируя в содержании идею требования / просьбы об угощении или одаривании деньгами:

Юньчик, Юньчик,
Скок на стульчик.
Стульчик на бочок,
Подайте рубличок

А. Н. Розов отмечает, что варианты этого текста фиксировались еще в 70– 90-х гг. XX в. «как от пожилых певцов, вспоминавших свое детство, так и от девочек и мальчиков» и указывает, что главной целью этих произведений было «повеселить, позабавить слушателей», а исполнение «унчика» в 20–40-е гг. XX в. не только детьми, но и взрослыми «несомненно свидетельствует о разрушении традиции христославления».

Записи первого десятилетия XXI в. позволяют дополнить вышеприведенные выводы. Свидетельства о бытовании «юньчика» в 1930–1940-е гг. и мотивировки информантов позволяют предполагать, что эстетическая функция этих текстов отходит на второй план, а центральной становится утилитарная – получение угощения, а также каких-либо вещей, предметов (что объясняется, в частности, весьма тяжелым положением местного населения, и подчеркивается информантами).

Современные информанты четко разделяют «славильные» жанры на взрослый и детский репертуары. Не можем не отметить: в единичных свидетельствах зафиксирована информация о том, что дети также могли «славить молитвой», при условии, что ее исполнению их обучили взрослые, и в этом отношении главным критерием становился научили / не научили, поэтому можешь исполнять / не можешь исполнять.

Комментируя распределение «славильных» жанров по возрастному критерию, информанты имплицитно подчеркивают «ценность» обрядовых текстов, важность и значимость их для ритуала: у взрослых – «настоящая молитва», дети говорят «простые слова».

Современные информанты делают попытки разграничить местный (эрзинский) и «привнесенный» (в частности, посредством вербованного и переселенческого контингента) репертуар, обращая внимание на временные маркеры и территориальную принадлежность того или иного текста[45].

Так, информант, комментируя одну из записей «юньчика», отмечает терминологические различия в номинировании процесса обхода домов на Рождество: славить Рождество (вар.: ходить славить) – местный термин, колядовать – термин украинской традиции: «…по соседям ходили и это по-украински колядовали[46].

Некоторые комментарии характеризуют содержание местных рождественских песенок.

На возможное бытование в тувинских поселениях традиции колядования указывают единичные свидетельства, в которых информанты говорят о коляде как черте местной традиции, отмечая при этом термин коляда, а действия славильщиков описывая термином колядовать[47].

Информант цитирует два фрагмента коляды, первый из которых встречается в величальных колядках и изображает ситуацию прихода коляды (т.е. является зачинной «картиной»). Второй содержит просьбу-угрозу о подаянии или угощении. Подобный тип новогодней песни-просьбы, заключающей в себе требование обрядового подаяния, подробно рассматривает В. И. Чичеров. Он отмечает, что этот тип редко бытует в

---

[45] Тарбастаева, И. С. Тувинская семья - традиции и современность [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. - 2010. - № 2. - С. 259-267.

[46] Кужугет Ш. Ю. Культ огня в праздничной культуре горожан Тувы // XIV Конгресс антропологов и этнологов России : сб. материалов. Томск, 6-9 июля 2021 г. М. ; Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 2021. С. 112.

[47] Мордасов А. А. К вопросу моделирования традиционных (народных) календарных праздников // Искусствоведение: теория, история, практика. 2015. № 1 (11). С. 8-12.

качестве самостоятельной песни, но «почти всегда входит в другие тексты как их составная часть».

В текстах просьба о подаянии имеет «форму угрозы принести вред дому, если просьба не будет исполнена», «требование, перерастающее в угрозу навлечь беду».

Хозяева привечали славильщиков и одаривали их выпечкой, яйцами, конфетами, мелкими деньгами, которые дети делили на всех.

Считалось, что одаривание славильщиков способствовало благополучию семьи, поэтому старались угостить хорошо. Исследователи указывают, что одаривание имеет непосредственное отношение к культу предков и обладает прогностической, продуцирующей, защитной функциями: «Стремление наградить колядников получше, чтобы обеспечить себе благополучие в хозяйстве и семье, опиралось на весьма архаические представления о том, что умершие предки в состоянии не только предсказать судьбу, но и повлиять на все сферы земной жизни».

Об угасании традиции обхода домов на Рождество говорят информанты 1940-х годов рождения, из их комментариев следует, что примерно с кон. 1950-х гг. эта традиция начинает исчезать.

Таким образом, обращение к отдельным сюжетам, связанным с празднованием Рождества и святочного периода на территории Республики Тува, демонстрирует «встраивание» местных традиций, сформированных более пестрым по составу населением, в культуру Русского Севера и центральной России, а отдельные элементы материнских культур в результате развития местных традиций стали их неотъемлемой частью.

Анализ святочной обрядности и поэзии в записях нач. XXI в. позволяет говорить о «схождениях» в наборе обрядовых действий (обходы домов с целью славления Рождества), моделях поведения и перечне магических практик (ряженье), образцах вербального фольклора с другими русскими локальными традициями.

Современные записи позволяют констатировать угасание традиции славления Рождества, что проявляется в отсутствии четких сведений о половозрастном и количественном составе групп славильщиков, отсутствии атрибутов славления (звезда, фонарь, вертеп и проч.), осуществлении славления преимущественно детьми по родственникам, обеднении поэтического репертуара.

Заключение

Анализ древнего календарного праздника, связанного с проводами зимы и встречей весны, культом предков, семейно-бытовыми обрядами, магией продуцирования, широко отмечался русскими и другими народами и после принятия христианства, в календарь которого он был включен, как один из немногих устойчивых нехристианских праздников.

В дореволюционный период масленицу праздновали русские и другие народности Республики Тува. В советское довоенное время в связи с проводимой антирелигиозной кампанией масленицу, ошибочно отнесенную к религиозным праздникам, практически не отмечали.

В послевоенное время и вплоть до распада СССР этот общественный праздник в Республике Тува отмечали, как семейно-бытовой обряд ограничив его обрядовую форму и магическое содержание, хождением по гостям и угощением блинами.

В постсоветский период, в связи с новой парадигмой государственного и общественного устройства России, иными взаимоотношениями государства с религиозными организациями и верующими, возрождением традиционной культуры, праздник обрел своё второе дыхание и широко отмечается как на местном, так и на республиканском уровне. Как нам кажется, празднование календарных и религиозных праздников различных этносов Республики Тува и страны способствует консолидации общества, гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений, поддержанию традиционно дружеских и добрососедских отношений между народами Тувы, способствуя возрождению традиционной русской культуры и приостановлению оттока русских и русскоязычных граждан этого региона.

Праздник Светлого Христова Воскресения - главное событие года для православных христиан и самый большой православный праздник, исторически являющийся самым первым христианским праздником.

Празднование Пасхи русским населением на территории Республики Тува приобрела устойчивые традиции празднования в каждой христианской семье.

Традиция празднования встречи Нового года, как и остальные традиции, со временем претерпевает изменения. И Шагаа у тувинцев не исключение. Если в прежние времена это был в основном семейный праздник, то в настоящее время он стал также общественным, массовым. Нововведениями стали посещения ночных молебнов в буддийских храмах, появление новых обрядов. Мы видим, что тувинцы стараются поддерживать эту восстановленную традицию, поскольку она им кажется важной, имеющей воспитательное значение. Тем не менее информированность населения, знание о празднике до сих пор не полное, и люди хотят знать больше о празднике, об обрядах.

Большой интерес к этим вопросам демонстрирует и достаточно большое число добровольных участников нашего опроса, информация о котором методом «снежного кома» в тувинском сегменте Интернета помогла получить такое значительное число ответивших. Мы полагаем, что необходимость в изучении социокультурных практик проведения традиционных праздников продолжает оставаться острой. В поле внимания исследователей должны входить не только вопросы реконструкции знаний о прошлом, популяризация его, но и вопросы реального воплощения традиций в формате неотрадиций, даже с элементами новаций.

Характерными чертами рождественско-святочной обрядности в местных традициях Республики Тува являются обходы домов с целью славления Рождества, ряженье, гадания. В повествованиях о святочной обрядности Тувы выделяются несколько тем. Во-первых, рассказы о славлении – ритуальных обходах домов детьми и взрослым населением. Вторая характерологическая черта местной святочной обрядности – ряженье.

Фиксируются факты и коллективных, и индивидуальных обходов со славлением, однако чаще местные жители республики отмечают, что ходили группами. Судя по количеству записей и комментариям информантов,

детские рождественские обходы активно бытовали в селе Эрзин и Нарын (Эрзинский район). Известно, что дети чаще ходили славить по родственникам.

Обращение к отдельным сюжетам, связанным с празднованием Рождества и святочного периода на территории Республики Тува, демонстрирует «встраивание» местных традиций, сформированных более пестрым по составу населением, в культуру Русского Севера и центральной России, а отдельные элементы материнских культур в результате развития местных традиций стали их неотъемлемой частью.

Анализ святочной обрядности и поэзии в записях нач. XXI в. позволяет говорить о «схождениях» в наборе обрядовых действий (обходы домов с целью славления Рождества), моделях поведения и перечне магических практик (ряженье), образцах вербального фольклора с другими русскими локальными традициями.

Современные записи позволяют констатировать угасание традиции славления Рождества, что проявляется в отсутствии четких сведений о половозрастном и количественном составе групп славильщиков, отсутствии атрибутов славления (звезда, фонарь, вертеп и проч.), осуществлении славления преимущественно детьми по родственникам, обеднении поэтического репертуара.

Список источников и литературы

1. Агапкина Т.А. Масленица // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Институт славяноведения РАН, 2004. Т. 3. С. 194–199.

2. Бичелдей, У. П. Религиозные аспекты обрядов шагаа (Нового года) у урянхайцев-тувинцев монгольского Алтая / У. П. Бичелдей // Материалы Первого алтаистического форума "тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность". – Барнаул - Горно-Алтайск: Алтайский государственный университет, 2019. – С. 124-126.

3. Большая советская энциклопедия. 1974. М.: Советская энциклопедия, 616 с.

4. Бредис М. А. Символика числа девять в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков) // Новые исследования Тувы, №1, 2023. – С. 228-242.

5. Бутанаев, В. Я. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков / В. Я. Бутанаев, Ч. В. Монгуш. - Абакан: Изд-во Хакасского госуниверситета им. Н. Ф. Катанова, 2005. - 200 с.

6. Васильев, В. Е. Пасха и праздник Ыһыах: путь жертвы от духа-зверя до богочеловека / В. Е. Васильев // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2017. – № 3(20). – С. 36-42.

7. Виноградов Г. С. Страна детей: Избранные труды по этнографии детства. СПб., 1999. 550 с.

8. Демина Л. В. Традиционный праздник в контексте современной культуры // Вестник Челяб. акад. культуры и искусства. 2011. № 1(25). С 103-107.

9. Демченко, П. Н. Элементы масленичной обрядности через призму мифологии и язычества / П. Н. Демченко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и

искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 12-2(74). – С. 57-59.

10. Дубровский Н. Масляница. М.: Типогр. С. Селивановского, 1870. 46 с.

11. Жуковская, Н. Л. Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая / Н. Л. Жуковская. - М.: Наука, 1986. - 254 с.

12. Кара-оол, Л. С. Термины родства и свойства в тувинском языке / Л. С. Кара-оол. - Кызыл: [Б.и.], 2006. - 252 с.

13. Кужугет Ш. Ю. Культ огня в праздничной культуре горожан Тувы // XIV Конгресс антропологов и этнологов России : сб. материалов. Томск, 6-9 июля 2021 г. М. ; Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 2021. С. 112.

14. Кужугет, А. К. Культурная политика Тувинской Народной Республики по организации празднеств / А. К. Кужугет // Новые исследования Тувы. – 2020. – № 3. – С. 7.

15. Ламажаа Ч.К. Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство. Новые исследования Тувы. – 2021. – № 2. – С. 115–129.

16. Ламажаа, Ч. К. о. Святое в тувинской культуре: прошлое и современность / Ч. К. о. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, А. В. Монгуш // Новые исследования Тувы. – 2023. – № 3. – С. 220-241.

17. Линденау, Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.): историко-этнографические материалы о народах Сибири и Сев.-Востока / Я. И. Линденау. - Магадан: кн. изд-во,1983. - 176 с.

18. Мазалова, Н. Е. Состав человеческий. Человек в традиционных соматических представлениях русских / Н. Е. Мазалова. - СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. - 192 с.

19. Майны Ш. Б. Современная праздничная культура Тувы // XIV Конгресс антропологов и этнологов России : сб. материалов. Томск, 6-9 июля 2021 г. М. ; Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 2021. С. 717.

20. Майны, Ш. Б. Семейные обряды тувинцев сегодня / Ш. Б. Майны // Материалы международного симпозиума хакасского эпоса. – Абакан: Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 2021. – С. 288-291.

21. Манышев С.Н. Русские: история, культура, традиции. Махачкала: ИД «Эпоха», 2013. 80 с.

22. Миллер, Г. Ф. История Сибири. В 2 т. Т. 1. - М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1937. - 607 с.; Т. 2. - М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1941. - 638 с.

23. Мордасов А. А. К вопросу моделирования традиционных (народных) календарных праздников // Искусствоведение: теория, история, практика. 2015. № 1 (11). С. 8-12.

24. О свободе совести и религиозных организациях // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 41. Ст. 813.

25. Об объявлении Шагаа народным праздником Тувинской АССР : Постановление Верховного Совета // Тувинская правда. 1991. 12 ф

26. Ондар, А. У. о. Традиционная новогодняя пища у тувинцев / А. У. о. Ондар // Новые исследования Тувы. – 2015. – № 1. – С. 14.

27. Определение о принятом Законе СССР о свободе совести // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 21. Ст. 241.

28. Полищук Н.С. У истоков советских праздников // Советская этнография. 1987. № 6. С. 3–15.

29. Предновогодний этап подготовки к Шагаа (2020) [Электронный ресурс] // Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально/экономических исследований при Прави/ тельстве Республики Тыва. 2020, 18 февраля. URL: https://tigpi.ru/4617/2/ (дата обращения: 12.09.2023).

30. Пристли, Д. Избранные сочинения / Д. Пристли. - М.: Соцэкгиз, 1934. - 319 с.

31. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. 174 с.

32. Радлов, В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи: В 10 ч. Ч. 9. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: тексты собранные и пер. Н. Ф. Катановым / В. В. Радлов. - СПб.: тип. Академии наук, 1907. - 756 с.

33. Рябков В.М. Масленица в историографии культурологии и истории социально-культурной деятельности // Вестник культуры и искусств. 2020. № 1 (61). С. 62–72.

34. Санчай Ч. Х. Культурные практики в профессиональном искусстве. Праздник Шагаа // Искусство на Востоке и Восток в искусстве : от традиционных форм к современным арт-практикам : тез. докл. I Междунар. науч. конф., Москва, 28-30 июля 2022 г. М. : Институт востоковедения РАН. С. 120-122.

35. Санчай, Ч. Х. О. Праздник Шагаа в современном культурном пространстве / Ч. Х. О. Санчай // Байкальские встречи - XII: традиционная культура как основа сохранения и развития этнической идентичности : Материалы международной научно-практической конференции, Улан-Удэ, 29–30 сентября 2022 года. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный институт культуры, 2022. – С. 257-266.

36. Сахаров И.П. Масляница // Сказания русского народа. М.: Советская Россия, 1990. С. 127–132.

37. Сердобов, Н. А. Народное образование в Туве / Н. А. Сердобов. -Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1953. -136 с.

38. Смирницкая Е.В. Масленица // Большая Российская энциклопедия: в 30 томах / Отв. ред. С.Л. Кравец. М.: Большая Российская энциклопедия, 2012. Т. 19. С. 276–277.

39. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX – начало XX в. М.: Наука, 1979. 288 с.

40. Соколова В.К. Масленица (ее состав, развитие и специфика) // Славянский и балканский фольклор: генезис, архаика, традиции. М.: Наука, 1978. С. 48–70.

41. Сувандии Н. Д. Шагаа — традиционный национальный праздник тувинцев // XIV Конгресс антропологов и этнологов России : сб. материалов. Томск, 6-9 июля 2021 г. М. ; Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 2021. С. 116-117.

42. Сувандии, Н. Д. Шагаа в современной праздничной культуре тувинцев (по результатам опроса) / Н. Д. Сувандии // Знание. Понимание. Умение. – 2023. – № 2. – С. 195-206.

43. Сувандии, Н. Д. Тувинская антропонимия: дис. ... канд. филол. наук / Н. Д. Сувандии. - М., 2004. - 191 с.

44. Суханов, И. В. Обычаи, традиции, обряды как социальные явления / И. В.Суханов. - Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1973. -256 с.

45. Тарбастаева, И. С. Тувинская семья - традиции и современность [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. - 2010. - № 2. - С. 259-267.

46. Челинцева М. Н. Проблемы преобразования элементов традиционной духовной культуры в условиях индустриального общества (на примере народных праздников в Ломбардии) // Научный альманах. Традиционная культура. 2016. № 1 (61). С. 7-18.

47. Черных А. В. Рождественские и новогодние обходы в русских традициях Пермского Прикамья в конце XIX – первой половине XX века // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2008. Вып. 1. С. 89–108.

48. Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков (очерки по истории народных верований). М., 1957. 236 с.

49. Шангина И.И. Русские традиционные праздники. СПб.: Азбука-классика, 2008. 336 с.

50. Mongush, M. V. Tuvinians in China: Aspects of their History, Language and Culture / M. V. Mongush // Culture and Environment in Inner Asia. Society and Culture. - 1996. - Vol. 2. - Pp. 116-133.

51. Nishimura, M. A Social Adaptation of Reindeer Herder"Tsaatan" in a Period of Post-socialism: A Case Study About a Taiga District of North Mongolia / M. Nishimura // JCAS Occasional. - 2003. - Paper. No 20.

52. Oelschlägel, A. Der WeiBe Weg: Naturreligion und Divination bei den West-Tyva im Suden Sibiriens / A. Oelschlägel. - Leipzig: Leipziger Universitatsverlag, 2004.

53. Shimamura, I. The Movement for Reconstructing Identity through Shamanism: A Case Study of the Aga-Buryata in Post-socialist Mongolia / I. Shimamura // Inner Asia. - 2004. - No. 6. - Pp. 197-214.

54. Takashima, N. Tuvagokyouhon (Учебник тувинского языка) / N. Takashima. - Tokyo, 2008.

55. Taube, E. Anfänge der Seßhaftwerdung bei den Tuwinern im Westen der Mongolischen Volksrepublik / E. Taube // Die Nomaden in Geschichte und Gegenwart. - 1981. - S. 97-109.